Информационно-консалтинговый центр «АКСОН»

Агапов О. Д.

Экспертный доклад

Геополитика Кавказского региона в контексте Нового времени

Москва
2026

АКСОН

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —

Быть может спаяно железом лишь и кровью...»

Но мы попробуем спаять его любовью, —

А там увидим, что прочней...

Ф. Тютчев

УДК 327(479)
ББК 66.4(2Рос),9(5Гру)
А23

Рецензенты

А. В. Михалев — доктор политических наук, профессор, директор Центра изучения политических трансформаций Бурятского государственного университета имени Д. Банзарова (Улан-Удэ);

В. Н. Колотов — доктор исторических наук, профессор СПбГУ, директор Института Хо Ши Мина.

Агапов, О. Д.

А23 Геополитика Кавказского региона в контексте Нового времени : экспертный доклад / О. Д. Агапов. — Москва: О. Д. Агапов, 2026. — 100 с. ISBN 978-5-600-05542-1

В экспертном докладе на основе цивилизационного и мир-системного подходов рассматривается динамика российско-грузинских отношений в эпоху Современности / длинного Модерна. Автор стремится преодолеть одномерные интерпретации этих отношений и способствовать социально-гуманитарному диалогу России и Грузии в XXI в. В противовес русофобии развивается представление об общей исторической судьбе

народов России и Грузии в контексте всемирной истории, геополитики, геоэкономики и геокультуры.

Доклад адресован исследователям в области социальных и гуманитарных наук, аспирантам, студентам и широкому кругу читателей, интересующихся историей российско-грузинских отношений.

В основу доклада положены социально-философские эссе, входящие в готовящуюся ИКЦ «АКСОН» коллективную монографию «История России и Грузии: преодолевая одномерные интерпретации».

© О. Д. Агапов, 2026

ISBN 978-5-600-05542-1

СОДЕРЖАНИЕ

09

Введение 1.0. Пролог на небесах

27

Введение 2.0. Теоретико-методологическая прелюдия

34

Геополитика Кавказского региона в контексте Нового времени

84

Заключение

88

Список литературы

ВВЕДЕНИЕ 1.0.

ПРОЛОГ НА НЕБЕСАХ

Нас всех друг другу посылает Бог.

Б. Пастернак

Традиционно историю российско-грузинских отношений начинают отсчитывать с XVIII в., что не вполне верно, поскольку прологом к установлению тесных взаимоотношений между Петром I и Вахтангом VI предшествует *общее пребывание* народов части Восточной Европы, Кавказа и Ближнего Востока в составе Византийской империи, или *Византийском содружестве наций*[1]. Как показывает Д. Оболенский, именно Византийская империя стала колыбелью для русского, болгарского, сербского, черногорского, румынского, армянского, грузинского[2] и ряда других народов, дав им право / закон, архитектуру, технологии, новый образ и стиль

[1] Следует различать средневековое понятие нации (Византия, Священная Римская империя) и новоевропейское понимание наций. За одним термином скрывается разный институциональный генезис и стратегии воплощения.

[2] Вместе с тем следует помнить, что «христианская религия проникла в Грузию из Палестины, поэтому именно там возникли первые зарубежные грузинские культурно-просветительские центры, и отсюда же распространилась в Грузию литургическая практика иерусалимского типа». См.: Грузины / отв. ред. Л. К. Бериашвили, Л. Ш. Меликишвили, Л. Т. Соловьева; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Национальная академия наук Грузии; Комиссия по истории, археологии и этнологии НАН Грузии. М.: Наука, 2015. С. 99.

жизни, ряду народов — письменность / *язык* (церковнославянский язык св. рв. братьев Кирилла / Константина и Мефодия), сообщив новое единое измерение — *христианский этос*.

Действительно, формирование русского народа, как и многих других народов Средневековья, происходит с момента их приобщения к ценностному миру осевых религий. Для множества племен Западной и Восточной Европы такой религией было христианство, бывшее до XI в. единым. И если современные народы Западной Европы имеют своим началом этно-социокультурогенеза Священную Римскую империю (962–1806 гг.), то народы Восточной Европы, Кавказа и Ближнего Востока имеют цивилизационный исток в Восточной Римской империи / Византии — Византийском содружестве наций (V в. – 1453 г.).

Благодаря христианству образуется широкое политическое, экономическое и социокультурное международное сообщество в IX–XV вв., сформировавшее цивилизационное основание для ряда государств современности — России, Сербии, Черногории, Болгарии, Румынии, Армении, Грузии и т. д. Даже после своего падения Византия долгое время выступала социокультурной сферой, сообщающей единство народов, принявших от нее христианство или, по образному выражению митрополита Киевского Илариона, «закон» и «благодать». Важно понимать, что согласно политической теологии и практике Средних веков

народ, обретающий свой язык обращения к Богу, становится равным, занимает «свое собственное и законное место в христианской ойкумене»[3].

Именно «в период тесных русско-византийских отношений формировалась *диалогическая основа русской цивилизации,* не имевшая ничего общего с идеями исключительности и комплексом превосходства, характерными для европейской колониальной эпохи»[4]. Другой вопрос, как и каким образом каждый из народов осознает уровни и сферы своей причастности и цивилизационного дара. Кроме того, с момента церковного раскола в XI в. именно Запад — Священная Римская империя в лице Ватикана — сделал все возможное и невозможное, чтобы закрепить право на европейскую идентичность только за собой.

Принятие христианства грузинскими племенами состоялось раньше, чем на Руси, благодаря святой равноапостольской Нино Каппадокийской (между 326 и 337 н. э.). Первым христианским грузинским царем стал Мириан, а царицей — его супруга Нана. По церковной истории и Иверия, и Русь узнали свет Христов от апостола Андрея. «По преданию, Андрей Первозванный основал первую в Грузии епископскую кафедру в с. Ацкури; он привез с собой нерукотворный образ Божьей Матери с младенцем, запечатленный на

[3] Оболенский Д. Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М.: Янус-К, 1998. С. 403.
[4] Щипков А. В. Социал-традиция. М.: АСТ-Пресс Книга, 2017. С. 283.

деревянной доске, и именно здесь хранятся Покров Богоматери, мантия пророка Ильи, подножие св. Распятия, гвозди и другие реликвии»[5]. Во II половине V в. (пр. 468 г.) Грузинская Апостольская церковь была объявлена автокефальной, первым Католикосом Грузии стал Петр. Также в V в. грузинские священники Петр Ивер (411–491 гг.) и Иоанн Лаз основывают монастырь в Иерусалиме, который в V–X вв. начнет принимать паломников из различных частей Грузии.

Часть ученых считают, что именно Петр Ивер выступает автором знаменитых сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагитика. Христианская вера позволяет сохранить идентичность в условиях противодействия натиску Персии. Первыми мучениками за веру стали святая царица Шушаник, святой Евстафий Мцхетский и святой Абиба Некресский. Большое значение имели для Грузии X–XII вв. Именно тогда «была создана единая феодальная монархия во главе с Багратом III Багратиони (978–1114 гг.), построены три величайших памятника грузинской церковной архитектуры: храм Баграта (Имерети, г. Кутаиси), Светицховели (Картли, г. Мцхета) и Алаверди (Кахети, около Телави), а также появился политоним **“Сакартвело (Страна грузин)”**

[5] Грузины / отв. ред. Л. К. Бериашвили, Л. Ш. Меликишвили, Л. Т. Соловьева; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Национальная академия наук Грузии; Комиссия по истории, археологии и этнологии НАН Грузии. М.: Наука, 2015. С. 569.

для обозначения новой политико-культурной ситуации»[6].

Далее и Иверия, и Русь выступают уделом Пресвятой Богородицы. Разумеется, к 1453 г. культурная история христианства в Грузии и России была несопоставима, но благодаря *«исихастскому интернационалу»* XIV–XV вв. они стали центрами монашества и восточнохристианского Возрождения (по А. Ф. Лосеву — С. Аверинцеву — В. Махначу[7]). Кроме того, грузинские мастера приезжали на Русь как живописцы и строители храмов, участвовали в росписи Киево-Печерского монастыря, храма Спаса-Нередицы[8] в Новгороде, в строительстве Дмитриевского собора во Владимире (XII в.).

Святой Афон — обитель Богородицы — стал колыбелью для русского и грузинского монашеств. Действительно, «развитию собственно церковных братских отношений между Грузинской и Русской Православными Церквами с древних пор и вплоть до

---

[6] Грузины / отв. ред. Л. К. Бериашвили, Л. Ш. Меликишвили, Л. Т. Соловьева; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Национальная академия наук Грузии; Комиссия по истории, археологии и этнологии НАН Грузии. М.: Наука, 2015. С. 28.

[7] В. Махнач считает, что Византия с XIV в. готовила Русь через Церковь к имперскому будущему. Конкретнее, он показывает, что не Монгольская империя, не Ватикан, а именно Византия была основным заинтересованным субъектом. См.: Махнач В. Империи в мировой истории // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. URL: http://www.russ.ru/antolog/inoe/mahn2.htm (дата обращения: 15.09.2026).

[8] Грузины / отв. ред. Л. К. Бериашвили, Л. Ш. Меликишвили, Л. Т. Соловьева; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Национальная академия наук Грузии; Комиссия по истории, археологии и этнологии НАН Грузии. М.: Наука, 2015. С. 714.

XIX столетия во многом содействовали афонские иноки грузинского и русского монастырей. С этими монастырями обе Церкви имели постоянные связи, а через них и между собой[9]. Знаменательным явлением в укреплении духовных связей двух Церквей послужили грузинские святыни, разновременно привезенные в Россию. Это прежде всего копия Иверской чудотворной иконы Божией Матери. Привезенная в середине XVII столетия из Иверского монастыря, она стала общероссийской православной святыней, предметом глубокого почитания всех верных чад Русской Церкви. С благоговением были приняты и до сегодняшнего дня почитаются также вывезенные из Грузии и другие — чудотворные — иконы Царицы Небесной: “Оконская” (XVIII в.) и “Грузинская”»[10].

Иными словами, генезис русского и грузинского народов состоялся в один исторический период, и он был одновременно *европейским, евразийским и вселенским.* «С самого начала включение в орбиту Византийской империи других народов, не предполагало лишения их собственной идентичности», ибо Византия «не проводила политику культурной ассимиляции, что сегодня подтверждается существованием сохранных армянской, грузинской, эфиопской идентичностей —

[9] Скурат К. Е. История поместных православных церквей // Предание.Ру. URL: https://predanie.ru/book/72710-istoriya-pomestnyh-pravoslavnyh-cerkvey/?chapter=chapter_10 (дата обращения: 15.09.2026).
[10] Там же.

в частности, сохранилась нетронутой письменность этих народов. Другой важный цивилизационный паттерн — культурный континуитет византийской цивилизации, делающий ее библиотекой христианского наследия и обеспечивший, как сказали бы сегодня, высокую степень культурной инклюзивности»[11].

Д. Оболенский показывает, что христианство как образ и форма / стать жизни создало у народов византийского содружества новое измерение жизни, наполненное *радостью бытия:* «Радостное, жизнеутверждающее начало, проистекающее из веяний духовного расцвета ощущается во многих сочинениях ранней кирилло-мефодиевской традиции — его источник в осознании славянами того, что они, получив христианскую письменность на родном языке, приобрели самостоятельное историческое значение»[12]. Это было *новое метафизическо-трансцендентальное ощущение и оправдание жизни, придание ей небывалого качества осмысленности, онтологической полноты, глубины, любви, надежды и свободы,* которое выше сиюминутных политических, экономических выгод.

Исследователи Р. Багдасаров, Д. Оболенский, С. Хоружий, А. Панарин называют этот феномен обретения нового вкуса и взгляда жизни *«роскошью*

[11] Щипков А. В. Социал-традиция. М.: АСТ-Пресс Книга, 2017. С. 284.
[12] Оболенский Д. Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М.: Янус-К, 1998. С. 403.

православия»[13]. «Самой богатой и комфортабельной для жизни страной мира в течение целого тысячелетия был Восточный Рим, или Византия, как его окрестили французы. И стала она такой не вопреки, а благодаря православию». «Секрет действительно в православном мировоззрении, которое предполагает за Богом и всем тем, что служит проводником Его влияния, качество благодати, которому в светском лексиконе соответствует понятие избытка. *Избыток справедливости* — милосердие и долготерпение, *избыток порядка* — божественное вездеприсутствие. В протестантстве, невзирая на всю мнимую свободу, принцип избытка (благодати) стоит далеко не на первом месте, уступая регламентации, жесткой причинно-следственной связи. Ведь *избыток средств дается тому, кто внутренне к ним не привязан, следовательно, может распоряжаться ими разумно в высшей степени.* Именно поэтому культура Византии постоянно порождала новые смыслы бытия (антропоцентризм, синтез противоположностей, иконичность), в то время как западноевропейская мысль лишь регенерировала античные смыслы или перелицовывала их»[14].

А. Панарин, посвятивший исследованию православной цивилизации много лет, пишет: «Отцам Церкви, закрепляющим христианское самосознание

[13] Багдасаров Р. В. Мистика русского православия. М.: Вече, 2011. С. 266–274.

[14] Там же.

и христианский тип мировосприятия в скрижалях харизматического текста, самим Священным Писанием была заповедана задача: *не отвратить человека от мира, а принять мир как Божественное произведение,* вызывающее неугасимое экстатическое восхищение»[15].

Именно восприятие и переживание мира через «православный светлый космизм» рождают *«художественно-экстатическое отношение к миру и художественный тип праксиса*. Последний строится на презумпции доверия к устройству мира как задуманному и осуществленному не по технологическому умыслу, а по вдохновению — *“добро зело”, прекрасно*. Это разительно отличается от архетипа, заложенного в западном христианстве. Пафос противопоставленности духовного и материального в конечном счете приводит его к идее богооставленности материи, постепенно принимающей вид мертвого конгломерата тел»[16]. Христианин не отвращается от материи, он ее преображает, одухотворяет, возводит к полноте и совершенству. В основе русской / российской духовной традиции — этика преображенного Эроса, *преображение, просветление* Духа. Причем «зримая космическая материя в Православии выступает не в своей статической богооставленности, а в динамическом пограничном состоянии: она то, что

[15] Панарин А. С. Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 169.
[16] Там же.

некогда было светлым началом и в конечной перспективе подлежит новому окончательному просветлению. Разглядеть эту ее динамическую природу способен только особый тип сознания, который просветлен и согрет любовью. Не покорить, не закабалить природное вещество, а высветлить содержащееся в нем иное, высшее начало, раздуть тлеющий в земных телах небесный огонь — вот призвание человека»[17].

В основе православия лежат две ценности — любовь к Богу / его творению и свобода. Вся «христианская философия истории ориентируется на нравственную волю, сознательно и страстно ищущую и добивающуюся добра. Метафизической предпосылкой такой воли является не самоотождествление познающего и действующего субъекта со стихийной эволюцией — природной или исторической, а противостояние стихийным процессам как энтропийным»[18].

Православие — это религия любви, свободы, благодати, творчества, сострадательности к слабым. «Свобода есть не расслабленность, а величайшее сосредоточение, величайшее напряжение духа, прорывающегося за пределы очевидного, имманентного — к трансцендентному, от материи — к

[17] Панарин А. С. Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 169.
[18] Там же. С. 541.

идее, от готовых результатов — к истокам и генезису»[19].

Тесное взаимодействие славянских племен и Византии происходило в V–X вв. Крещение Руси в 988 г. являет собой вершину данного взаимодействия. За многовековое общение славяне вполне могли сравнить образ жизни Византии и свой, сделать мировоззренческий выбор. Христианами были князья Аскольд и Дир, христианство выбрала великая княгиня Ольга и ее внук Владимир, канонизированный Русской православной церковью в качестве равноапостольского святого. Таким образом, в начале рождения русского народа выступает *византийско-русский православный архетип*[20], ставший основанием для дальнейшего развития. Именно православное христианство стало основой богословия и философии, права и морали русского народа.

В цивилизационном плане тесное сотрудничество грузинских княжеств с Византией ведет к формированию *византийско-грузинского православного архетипа*[21], позволившего грузинам не

---

[19] Панарин А. С. Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 566.

[20] Там же.

[21] В институциональном плане, вероятно, следует рассматривать и феномен *персидско-грузинского архетипа*, поскольку грузинские народности долгое время пребывали в составе различных политических институций Ирана/Персии. Вероятно, эти отношения носили характер насильственной синергии (по С. Хоружему), но исторически, особенно с XVI в., практически все из числа грузинской аристократии (тавади), кто был установлен иранскими шахами, принимали ислам (в шиитской традиции),

потерять свою религиозно-национальную идентичность в XV–XVIII вв. Напомним, что «после 1500 г. на Ближнем Востоке оформляются две новые мощные империи — османская Турция, где официальной верой провозглашен суннитский ислам, и Иран, восстановленный шиитской династией Сефевидов. Два исламских тяжеловеса вступают в жестокую двухсотлетнюю войну, буквально раздирая и вытаптывая Кавказ. В 1610–20-х гг. персидский шах Аббас планомерно выжигает восточные области Армении и Грузии, чтобы устроить барьер туркам. При этом местное христианское население вырезалось либо депортировалось во внутренние области Ирана. В Араратской долине практически не остается армян, а потери Грузии оцениваются в две трети населения»[22].

Византия даже после своей трагической гибели в 1453 г. остается залогом и цивилизационным контуром для взаимодействия «византийского содружества наций». Разумеется, ее влияние имеет

долгое время пребывали при шахском дворе, осваивали социально-культурные достижения персидской государственной школы. Ярким свидетельством персидского влияния выступает политоним «Грузия», который культурологи обычно производят от перс. **«Гюрджистан»** — «Страна волков». Также необходимо рассматривать *османско-грузинское ответвление грузинской идентичности*, ибо условием назначения тавади на подконтрольные Османской империи (1453–1918 гг.) территории также было принятие ислама (в суннитской традиции). Дети грузинской аристократии были аманатами (заложниками-воспитанниками), становясь довольно часто агентами военно-культурного влияния Турции.

[22] Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М.: Изд. Института Гайдара, 2013. С. 173.

опосредованный характер, но неизменно проявляет себя в переломные эпохи, когда народы Восточной Европы, Балкан, Ближнего Востока и Кавказа нуждаются в духовной опоре для развития в новых геополитических и геоэкономических условиях.

В России в XV–XVI вв. утвердилась *модель народной теократии под защитой сильного монарха,* что стало логичным этапом становления национального государства и национальной идентичности. Формула «Москва — Третий Рим», высказанная в двух посланиях старцем псковского Елеазарова монастыря Филофеем дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину и великому князю Московскому Василию III Ивановичу, означала, что Россия вписывала себя в «семью европейских народов» на основании духовной общности и религиозных корней. Речь шла о *наследовании московскими государями формата православной империи от византийских императоров,* ибо Русь также концептуально оформляла себя как классическое восточноевропейское государство[23]. Действительно, «русская идея обращена к миру и выражает божественный промысел в отношении нации и цивилизации, тогда как защита национальных интересов всегда имеет конкретное историческое и политическое содержание. Национальная идея позволяет сохранить в России культурную преемственность вопреки противоречивым

[23] Щипков А. В. Социал-традиция. М.: АСТ-Пресс Книга, 2017. С. 236.

деструктивным культурным практикам и *создает объективно прекрасный образ Отечества»*[24].

Православие стало основой не только духовной практики (исихазм) и традиций русского народа, но и цивилизационной «матрицей» развития социальных институтов, таких как семья («Малая Церковь»), приход, община, артель, дружина, казачий круг и т. д., буквально пронизывая и пропитывая жизнь каждого человека от рождения до смерти, несмотря на его социальное происхождение.

Православие выступило основанием и для обретения национально-цивилизационного суверенитета, формирования институтов государства, хозяйствования, культуры. Православное христианство сообщало его носителям — верующим — чувство *собственного достоинства*, оправданности жизни, волю и упорство в свершениях, свободу в исполнении воли Божьей в собственной судьбе. Свою стать и чин благодаря этому обретали и князь, и дружинник, боярин и крестьянин, священник и мирянин, ремесленник и купец, мужчина и женщина, ребенок / дети и старшие в роду.

Предстоя Богу — получая в крещении доступ к евхаристии и христианскому бытию, каждый верующий получал *основание* для духовного самостояния и свободы, *опору* для преодоления внутренних конфликтов в выборе между добром и

[24] Культурно-цивилизационные смыслы государственного патриотизма. М.: Институт Наследия, 2019. С. 5.

злом, а также надежду на взаимопонимание и поддержку со стороны других людей. Неслучайно А. Щипков показывает, что православие стало связующим сакральным элементом для русского общества, ибо для него характерно учение о *коллективной сотерии / спасении*. В упрощенном виде ее можно расшифровать как взаимопомощь в деле спасения души. «Хорошо известна евангельская истина “Спасись сам — и вокруг тебя спасутся тысячи”. Как нередко бывает в таких случаях, возникает ее обратное прочтение: “Спаси многих — и спасешься сам”. Впрочем, императив “спаси” совмещает в себе мирской и сотериологический аспекты»[25].

Итак, один из действующих архетипов русского / российского этоса состоит в «соединении стремления к социальной справедливости и апокалиптического мироощущения», ибо категория «справедливости» в России не только социально-моральное измерение, но «и метафизическое выражение: *справедливость воспринимается как момент истины, как жизнь в преддверии суда совести или Божьего суда»*. Даже нерелигиозные люди и атеисты в XIX–XX вв. ждали этого «праведного суда», полагая, что «его совершит революция». В этой жажде справедливости и состоит, по А. Щипкову, феномен «массовой поддержки большевиков на начальном этапе. Но сами революционеры понимали

[25] Щипков А. В. Социал-традиция. М.: АСТ-Пресс Книга, 2017. С. 265.

справедливость только в моральном, а еще больше в материальном смысле: “взять и всё поделить”»[26]. Как видим, «русская религиозность включает в себя обостренное чувство земной справедливости, любовь к униженным и оскорбленным, ярко описанную Ф. М. Достоевским, В. Г. Короленко и др. Социальная справедливость и равенство, к которым стремился советский строй, бесспорно, стали результатом не только усвоения марксизма, но и влияния православной этики, вытесненной в коллективное подсознание доктриной госатеизма, и тем не менее дававшей о себе знать»[27].

Помимо пребывания и развития русской и грузинской идентичностей в сфере византийской цивилизации, Россия и Грузия имели военно-политическое и социокультурное взаимодействие на всем протяжении средневековой истории. В частности, в сложных условиях доминирования Монгольской империи (XIII–XV вв.)[28] на пространствах Большой Евразии и грузинские, и русские княжества совместно отстаивали свой духовный суверенитет и достоинство. Грузинский

[26] Щипков А. В. Социал-традиция. М.: АСТ-Пресс Книга, 2017. С. 264.

[27] Там же. С. 267.

[28] Формирование евразийской державы в XIII в. — Монгольской империи — кардинально изменило не только историю евразийских народов, но и всемирную историю, привело к тому, что все устоявшиеся с Великого переселения народов социально-политические общности были трансформированы, прошли жесткое испытание на прочность. В условиях борьбы за независимость и русские, и грузины смогли создать новые формы государственности.

царь Александр I, обращаясь за помощью и покровительством к великому русскому князю Ивану III (1462–1505 гг.), называет его «надеждой христиан, подпорой бедных и ревностным обетником святого Николая»[29].

Начиная с XVI в. до XVIII в. истории Грузии и России тесно связаны совместной борьбой с Османской и Персидской империями. Совершенно справедливо пишет Теймураз Панджикидзе, что для Грузии христианство было и верой, и мировоззрением, и образом жизни, и *щитом,* ибо «с его помощью государство в течение веков защищало себя от нападений многочисленных врагов, которые пытались навязать нашим предкам иную религию»[30]. Полагаю, что сказанное о значимости православного христианства для Грузии верно и для России. Действительно, православие стало для России[31]

---

[29] Скурат К. Е. История поместных православных церквей // Предание.Ру. URL: https://predanie.ru/book/72710-istoriya-pomestnyh-pravoslavnyh-cerkvey/?chapter=chapter_10 (дата обращения: 15.09.2026).

[30] Панджикидзе Т. Христианство в грузино-российских отношениях: история и современность // Центральная Азия и Кавказ, 2005. № 2. С. 33.

[31] Исследования Б. Клосса показывают, что термин «Россия» появился еще в X в. и связан с греческим написанием термина «Русь»/«Росия». Именно таким образом, как «Росия» с одной «с», писали о древнерусском государстве византийцы. В начале XVI в. Максим Грек впервые употребил термин *«россиянин».* В Речи Посполитой и Священной Римской империи также термин *Россия/Росия* используется в дипломатических документах с XVI в. Окончательно утверждение концепта «Россия» происходит в эпоху Петра I. См.: Клосс Б. О происхождении названия «Россия». М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 152 с.

ядром ее идентичности, и идеал Святой Руси является константой для X–XXI вв.[32].

[32] Бедаев А. И. Идея Святой Руси в русской средневековой культуре: автореф. дис. канд. ист. наук. Астрахань, 2017. С. 10–11.

ВВЕДЕНИЕ 2.0.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕЛЮДИЯ

На наш взгляд, рассматривать основания и динамику российско-грузинских отношений (шире — отношений между различными народами) вне контекста *всемирной истории* бесперспективно, ибо в них отражаются не столько и не сколько качества, присущие грузинской или российской / русской культуре, а общие институциональные факторы (языковые миры, религии «осевого времени», военные технологии, институты рынка, классовое расслоение и т. д.). Как правило, тупики в интерпретациях исторических процессов испытывают все сугубо национальные нарративы исторического процесса (это один из факторов формирования исторической мифологии).

Необходим целостный, панорамный подход, дающий возможность обозреть исторический процесс, по возможности, одновременно диахронически и синхронически, в «глубину — широту — высоту — полноту». В историческом познании мир-системный подход позволяет каждый исторический процесс, ситуацию и событие изучать в единстве многообразия, гетероиерархии. В частности, каждое событие должно изучаться как явление всеобщего и локального значения, что позволит не только сблизить уровень краеведения с уровнем макро-мега истории, но даст возможность

избавиться от социально-гуманитарного редукционизма, ведущего к ксенофобиям, одномерности в понимании исторического бытия.

Кроме того, в начале XXI в. складывается научно-исследовательская программа «перепрочтения» истории империй, сложившихся в XV–XIX вв. Так, А. И. Миллер пишет, что «новая история империи — это именно та сложная ткань взаимодействия имперских властей и местных сообществ, которую нужно стремиться воссоздать во всей ее полноте. Когда мы говорим об имперском измерении российской истории, речь идет прежде всего о многообразии населения империи, о сложных системах отношений между центром и окраинами, имперской властью и локальными сообществами, об асимметричности административно-политических и правовых структур, о ресурсах устойчивости империи, о ее способности стабилизировать гетерогенное в этноконфессиональном и социокультурном отношении общество»[33].

Сегодня в рамках парадигмы альтерглобализма и глокализации важно исследовать исторические события как минимум на пяти уровнях:

— глобальном (сформировавшемся в эпоху Великих географических открытий)[34];

---

[33] Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое лит. обозрение, 2006. С. 7.

[34] «Запад в первой фазе модерна (1492–1640) осуществил: 1) — ***разнонаправленную географическую экспансию,*** завершившуюся объединением (стягиванием) мирового пространства вокруг возникших и

— макрорегиональном;
— национально-государственном;
— микрорегиональном (внутри делений государства на регионы);
— муниципальном, краеведческом.

Конкретнее, в контексте изучения истории российско-грузинских отношений и понимания узловых событий 1783 г., 1801 г. (иных фактов-событий) необходимо руководствоваться именно широкой оптикой мир-системного цивилизационного подхода. Например, исторический геополитический фон периода подписания Георгиевского трактата в 1783 г. и международная обстановка принятия решений Павлом I, а затем и Александром I в 1801 г. отличались

стремительно утверждавшихся и спорящих метрополий (Генуи, Венеции, Лиссабона и Амстердама) и их интересов; 2) — во многом ***спонтанную демографическую экспансию,*** выразившуюся в переселении неинституционализированных и маргинальных социальных элементов Европы на иные континенты; 3) — поначалу ***стихийную, затем управляемую экономическую экспансию,*** повлиявшую на формирование капитализма как “суммы привычек, способов, ухищрений, достижений” (Ф. Бродель), на институциональном уровне представленную не только “рынком”, но также накоплением, формированием финансовых олигархий, бирж, различных форм кредита и т. д., вплоть до “бесконечного накопления”; 4) ***— геополитическую экспансию,*** выразившуюся в захвате (аннексии) и освоении новых территорий для обеспечения собственного экономического процветания и политического доминирования “талассократических обществ”. По Ф. Броделю, сложилась ***«асимметрия мира»,*** усиленная изобретением артиллерии **(1420** г.), книгопечатания (1458–1459 гг.) и началом океанических плаваний (1430 г.)». См.: Муза Д. Е. Россия в системе координат глобального мира: метафизика, идеология, прагматика; Центр стратегической конъюнктуры. М.: Издатель Воробьев А. В., 2016. 232 с.

кардинально, а именно первое событие относится к эпохе до революции во Франции 1789 г., а политико-правовые акты российских императоров — к периоду наполеоновских войн.

На макрорегиональном уровне также есть различия: в геополитике Большого Кавказа решающее значение имела русско-турецкая война 1787–1791 гг. и события, с ней связанные, не только отражающие политическую культуру Г. А. Потемкина или Ираклия II, а вбирающие инициативы иных субъектов истории. На национально-государственном и микрорегиональных уровнях также есть своя палитра отношений. В. В. Дегоев называет три ключевых фактора в политике Ираклия II, связанных с надеждой на поддержку России: 1) сдерживание Ирана; 2) сдерживание лезгин; 3) соратник в деле построения «Великой Грузии» в Закавказье[35].

Панорамное знание о двух ключевых фактах российско-грузинских отношений делает возможным не только комплексное рассмотрение динамики взаимоотношений между Россией и Грузией, но и позволяет избавиться от одномерных нарративов о предательстве, *коварстве* и т. д. Перед нами открывается исторический мир как *искусство возможного* в определенных обстоятельствах, где каждый из субъектов обладает собственной логикой,

[35] Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2001. С. 16.

достоинством, интересами и ценностями, ресурсами, горизонтом мышления и т. д. Кроме того, мы учимся воспринимать исторический процесс не как движение от *успеха к успеху*, а как логику истории, где правит драма, трагедия и вина / вмененность бытия (диалектика вины и кары Л. П. Карсавина и философия «не-алиби в бытии» М. Бахтина).

Наш интерес к мир-системной концепции связан с тем, что она позволяет выявить:

— *институциональные трансформации от античности до современности;*

— *исторические процессы в контексте больших длительностей*[36]*;*

[36] Для темы институционального рассмотрения истории России и Грузии мир-системный подход важен именно тем, что позволяет тенденции исторической эпохи/периода (секуляризация, модернизация социальных институтов) соотнести с конкретикой принимаемых решений, социально-демографическими и иными показателями. Если принять во внимание, что Россия была вовлечена в мир-экономику Запада в XVI — XVIII вв. и сумела выработать свои стратегии сопротивления колониализму польско-шведско-английского образцов (эта историческая эпоха не менее значима, чем сопротивление монгольскому влиянию в XIII–XV вв.), то Грузии, получившей безопасность только в 1801–1860 гг., лишь предстояло пройти многие трансформации по собиранию грузинских народностей в единое политическое целое, переходу от феодального уклада жизни к буржуазному, секуляризацию. Разумеется, это не могло повысить градус общественных противоречий в грузинском обществе. Например, интеграция грузинской нации была связана с православием, а следовательно, омусульманенная османами и персами часть грузин должна была или вернуться обратно в христианство, или выбрать переселение в Османскую или Персидскую империи (мухаджирство).

Если обратиться к истории России, то Великий Раскол XVII в. — деление на никониан и старообрядцев — также породил феномен исхода (внутри страны на Урал и Сибирь, а также в Молдавию, Турцию, Кавказский регион). Люди, прошедшие Раскол, были готовы к модернизации Алексея

— общие типологические аспекты в развитии различных обществ;
— динамику исторического процесса в контексте теории гегемонии[37].

Михайловича – Петра Алексеевича Романовых. На наш взгляд, грузинское общество получило возможность в составе Российской империи относительно безопасно и без больших социальных потерь пройти путь институциональной перестройки. Другой вопрос, что став частью политического целого России, грузинское общество подчинилось ритму и темпу российской истории, вовлекающим его различные слои и сословия в перипетии модернизации в XIX–XX вв. Вместе с тем следует помнить, что грузинские общественные деятели не были пассивными, а, получая образование в гимназиях и университетах России, выступали как активная часть политических и социокультурных процессов секуляризации, индустриализации, развития научного познания и т. д. Политические истории Иосифа Сталина и Лео Кереселидзе, М. Церетели и Какабадзе и многих других — яркое тому подтверждение. Борьба за монархию или республику, унитаризм или федерализм — все это уже часть общей политической истории в рамках не только российской политической системы, но и мировой (II Интернационал и Коминтерн). Игнорируя институциональную часть истории народов, мы рискуем не понять динамику всеобщего исторического процесса. Вне российской помощи грузинское общество вряд ли смогло бы объединиться в единое целое в геополитических условиях XIX в. Кроме того, помимо иностранного давления был высок риск феодальных усобиц внутри грузинского общества. Советская Грузия — одна из альтернативных стратегий движения в Модерн/Современность наряду с Грузинской Демократической республикой. Институционально возможно сравнить динамику развития грузинских диаспор в Турции, Иране и Тифлисской и Кутаисской губерниях.

[37] «В недооценке мирового значения России в полной мере сказался недостаток мир-системной концепции — снижение чувствительности по отношению к внутренним факторам развития, преувеличение зависимости страны от внешнего контекста и преуменьшение роли достижений в сфере военных технологий, тяжелой промышленности, науки, образования; недооценка существенных отличий в развитии по сравнению со многими развивающимися странами в случае идентификации России как страны третьего мира». См.: Миронов Б. Н.

В целом мир Новой и Новейшей истории — это время:

— *социально-антропологической мобилизации* всех ресурсов народов (духовно-религиозных, интеллектуальных, политических, военных, экономических, социокультурных) для выстраивания новой конфигурации «государство — элита — народ»;

— *жесточайшей конкуренции моделей за гегемонию в мир-экономике* (где война, территориальные колониальные захваты, геноцид, эксплуатация за пределами гуманизма — это норма, а не исключение);

— учреждения *новых социально-антропологических дисциплинарных практик,* формирования новой модели понимания человека, времени его жизни и т. д.[38].

Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 3. С. 656.

[38] Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 760 с.

ГЕОПОЛИТИКА КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Кавказский регион, как и Балканы (а также горные хребты Алтая, Гиндукуша, Памира, Трансгималаев, Каракорума), с эпохи античности выступал одним из геополитических центров, «стягивающих» историю человеческого рода. «Кавказ был естественной северной границей восточных цивилизаций, прикрывавшей их с севера от набегов воинственных кочевых племен, и южной границей цивилизаций Северной Евразии, начиная с Хазарии и Тюркских каганатов и заканчивая российской цивилизацией. До Кавказа доходили владения Рима и Византии, монгольской империи и арабского халифата»[39].

Подобного рода обстоятельство задается прежде всего его выгодным географическим положением на континенте Евразии. Кавказ — это пространство пересечения торговых путей с Востока на Запад и с Севера на Юг. Вместе с тем выгодное географическое положение выступает в политическом отношении амбивалентным фактором борьбы за гегемонию в этом регионе не только внешних субъектов истории, но и внутренних. В частности, разделенный Кавказскими горами геополитический макрорегион неоднократно

[39] Иванов А. В. Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода): монография. Барнаул: Новый формат, 2025. С. 30.

пытался собрать себя в политике «Великой Грузии» (политика Ираклия II) или «Великого Азербайджана» (политика Фатали-хана, правителя Дербентского и Кубинского).

В своем целостном виде Кавказский регион выступил только после окончания Кавказской войны (1817–1867 гг.)[40]. По мнению В. Дегоева, именно тогда Кавказ *«оформился как единый территориальный комплекс внутри имперской “сверх-системы”»*[41].

Фактически намечается путь к формированию *метацивилизации* (по С. Хатунцеву), когда происходит интеграция двух связанных друг с другом в историко-культурном плане цивилизаций. Такая связка предполагает религиозные и / или политические, экономические, собственно, культурные, антропологические, языковые и т. п. контакты и взаимодействия между ними, интенсивность и глубина которых заметно превосходит интенсивность и глубину контактов каждого из членов той или иной метацивилизационной связки с другими культурно-историческими мирами[42].

---

[40] Завершение Кавказской войны (1817–1864 гг.) в геополитическом плане: 1) закрывало вопрос со стороны геополитических противников о статусе Кавказа и создавала условия для планомерной его модернизации; 2) возвращало Россию в большую политику после поражения в Крымской войне (1853–1856 гг.); 3) обеспечивало внутреннюю безопасность России.

[41] Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2001. С. 387.

[42] Хатунцев С. Лимитрофы — межцивилизационные пространства Старого и Нового света // Полис, 2011. № 2. С. 86–98.

Кроме того, с точки зрения геополитики мир-экономики Модерна вокруг России именно в XVII–XIX вв. со стороны стран Запада складывается Балтийско-Черноморская конфликтная система (по В. Л. Цымбурскому), а шире начинает выстраиваться т. н. *Великий Лимитроф* (от Финляндии до Кореи) — или территории, где 1) идут интенсивные «этнокультурные контакты представителей различных цивилизаций», а также 2) устанавливается режим «буферных пространств», их разделяющий. «Буферные пространства» выступают «рингами» и «рифтовыми зонами» всемирной Истории[43]. Данная «мегасистема, возникшая под напором России, долгое время не могла актуализироваться геоэкономически из-за российского же имперского контроля. Но она обрела интенсивную и даже несколько лихорадочную жизнь к концу XX в., когда переживающая кризис Россия отступила со многих ранее подвластных ей участков Лимитрофа и сократила свои обязательства по отношению к ним»[44].

Вопрос вопросов — осознавали ли сами участники-субъекты истории указанные теоретические моменты — «сверх-система», «метацивилизации», «буферное пространство»,

[43] Хатунцев С. Лимитрофы — межцивилизационные пространства Старого и Нового света // Полис, 2011. № 2. С. 96.

[44] Цымбурский В. Народы между цивилизациями // ИНТЕЛРОС. URL: http://www.intelros.ru/subject/figures/1075-vadim_cymburskijj_narody_mezhdu_civilizacijami.html (дата обращения: 12.09.2026).

«ринг». Полагаем, что первоначально приоритетными стали именно качества буферности и арены борьбы, но в рамках формирования Российской империи в начале XIX в. императивом становятся именно *«сверх-системы»*. Разумеется, и политические элиты России и Кавказского региона осознавали то, о чем пишут В. Дегоев, В. Цымбурский, С. Хатунцев в течение этих веков, исходя из своей политической культуры, традиций, ситуации. Отдельная сторона вопроса — кто оказался на высоте задач исторического момента, а кто нет. «В целом население Закавказья воспринимало приход России без враждебности: армяне с восторгом, грузины с умеренной благожелательностью, азербайджанцы почти с безразличием»[45].

В XIX в. происходит первая волна *системной модернизации народов* Кавказа и России, а именно формирование в единую нацию грузинских народностей, исторически разделенных на феодальные княжества с различной политико-религиозной составляющей и находящихся в составе разных государств (Османская и Персидская империи). Также выходят на новый уровень институционального развития армянский и азербайджанский народы, народы Северного Кавказа[46].

---

[45] Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. — М.: Русская панорама, 2001. С. 333.

[46] В рамках обсуждения альтернатив исторического развития следует задаться вопросом, способны ли были осуществить интеграцию и

Американский социолог, сторонник мир-системного подхода Г. Дерлугьян отмечал, что период завершения *позднего Средневековья* на Кавказе символически можно отнести к 1801 г., к решению российского императора Александра I[47] (1801–1825 гг.) о продолжении политики Екатерины II — Павла I на вхождение Грузии в состав Российской империи. Даже революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война (1918–1922 гг.) не смогли разрушить институциональный каркас этой структуры. В период СССР была создана иная, но единая институциональная среда, связанная с построением *советского и социалистического* типов общества. Это была *вторая волна* политической, социально-экономической и социокультурной модернизации как России, так и всех народов,

---

модернизацию Кавказа *иные субъекты истории*, претендующие на гегемонию в Кавказском регионе, а именно Османская и Персидская империи или Англия, Франция. На наш взгляд, и османы, и персы воспользовались бы ресурсами Закавказья для собственной модернизации, а идентичность народов была бы сломлена и ассимилирована. Политика Англии и Франции в странах установления их колониального господства также ставит под вопрос сохранение идентичности.

[47] Решениями Александра I Грузия была лишена династии и церковной автономии, она сразу и однозначно стала губернией, затем было учреждено наместничество. Прав ли был российский император в своем решении? Полагаю, что да, поскольку сохранение династии всегда сохраняло возможность вовлечения в российские дела иностранных государств. Полагаю, что молодой Александр опасался повторения в Грузии «польской истории» времен Екатерины II. Относительно подчинения грузинского духовенства Синоду, то тут также проявлялась общая логика имперского управления. В состав России Имеретия вошла в 1810 г.; Гурия — в 1828 г.; Сванетия — в 1854 г.; Мингрелия — в 1857 г.

интегрированных в СССР. Важно учитывать следующий момент: как правило, авторы, не берущие в расчет макросоциальные процессы модернизации мир-системы капитализма, склонны приписывать тяготы и трагедию перехода с аграрного типа общества на индустриальный социальной психологии акторов модернизации («русские плохие — у них ужасные нравы»).

В качестве макросоциологической рамки обсуждения развития России и Грузии необходимо помнить о том, что в целом процесс политической модернизации был довольно жестким, особенно с XIX в. М. Колеров отмечает: «Исторически тотальность индустриализма и современности (модерна, нового и новейшего времени) состоит из “кристаллической решетки” власти, инфраструктуры одновременно действующих всеобщих институций и практик: (1) всеобщего избирательного права (как минимум процедурно, на локальном уровне), превращающего каждого избирателя в объект централизованного (сетевого) политического воздействия; (2) всеобщей грамотности и единой языковой нормы; (3) всеобщего санитарно-гигиенического контроля и медицинского обслуживания, превращающего каждого в объект биополитики (в ее узком, не фукианском смысле); (4) всеобщей воинской повинности; (5) единого общенационального рынка (народного хозяйства); (6) централизованных общенациональной администрации и права; (7) общенациональных средств коммуникации и информации; (8) единой системы

технических стандартов; (9) единого рынка труда» и т. д.[48]

Модернизация Российской империи и СССР — это многоплановый политический, экономический, социокультурный процесс, направленный на кардинальное изменение всех сторон жизни общества. Например, темп и динамику развития Российской империи в XIX – начале XX в. определили общие для мир-системы тенденции, а именно: в *экономическом плане* — промышленный переворот, переход от аграрного типа общества к индустриальному; в *политическом плане* — трансформация подданнического сообщества в гражданское общество; в *социокультурном плане* — движение от традиционного общества к обществу модернового, светского типа. Особенно ярко указанные моменты стали проявлять себя именно на рубеже XIX–XX вв., что и создало реальные предпосылки как великих достижений, так и больших рисков для устойчивого политико-экономического и социокультурного развития. Ядром процесса модернизации в СССР выступила *индустриализация;* социально-экономической платформой — процесс добровольно-насильственного изъятия ресурсов у крестьянства путем коллективизации; политическим инициатором и основным бенефициаром — партийное руководство ВКП(б). Среди сопутствующих

[48] Колеров М. А. Сталин: от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М.: Модест Колеров, 2017. С. 21.

модернизации явлений были процессы: 1) жесткого государственно-политического управления через: а) создание движения ударников, стахановцев, новаторов, рационализаторов производства как сообщества агентов социалистического-коммунистического труда и образа жизни; б) превентивные политические репрессии социальных групп «бывших», «лишенцев», врагов народа; 2) культурной революции (формирование системы образования, науки, светской культуры, воинствующий атеизм).

На наш взгляд, интеграция в единое целое Кавказского социокультурного региона в составе Российской империи, а затем с 1922 г. в составе СССР позволила народам Северного Кавказа и Закавказья осуществить совместно с Россией комплексную модернизацию региона, создать условия для устойчивого развития в условиях мир-системы Модерна / Современности.

Геополитическое соперничество за Кавказ относится к эпохе Великих географических открытий (XV–XIX вв.), поскольку наряду с освоением планеты Земля в этот же период складывалась и **геополитическая архитектура**, которую И. Валлерстайн описал как жесткую систему из трех уровней: метрополии, колоний и периферийных государств.

В. Федотова, Н. Федотова, В. Колпаков определяют «Современность» как «вариативный концепт, включающий в себя инновационные формы

построения социального порядка и развития, значение личной автономии, демократии, закона, гражданских установлений, свободы, контроля, включая самоконтроль, и дисциплины, включая самодисциплину, капиталистическую или социалистическую форму производства, тенденцию к хозяйственной демократии»[49].

Стадии развития современности

	Время	Стадия современности
1.	1789–1914 гг.	Либеральная, колониальная
2.	1914–1989 гг.	Организационная (П. Вагнер), блоковая
3.	1989–н. в.	Дезорганизационная (П. Вагнер); «поздний модерн» (Ю. Хабермас), «рефлексивная» (Э. Гидденс) или «текучая» (З. Бауман) современность, техногенная цивилизация (В. С. Степин)

Указанные стадии современности прошли в своем развитии путь от манифестации идей до выстраивания новых институтов в праве, науке, образовании, политике, экономико-технологическом укладе, повседневности и т. д. Каждая стадия столкнулась в силу различных причин с кризисом и претерпела большие трансформации. Для **Первой Современности** (1789–1914 гг.) таким кризисом стали система империализма, Первая мировая война (1914–

[49] Федотова В. Г., Федотова Н. Н., Колпаков В. А. Глобальный капитализм: три великие трансформации. — М.: Культурная революция, 2008. С. 320.

1918 гг.), метастазы авторитарно-тоталитарных режимов в мир-системе в 20–60-е гг. XX в.[50] **Вторая Современность** (1918–1989 гг. — «короткий век» Дж. Арриги) не выдержала конкуренции политических идеологий и биполярности международных отношений. **Третья Современность** (после аннигиляции социалистического блока во главе с СССР в 1989–1991 гг. до настоящего времени) испытывает большие нагрузки от вызовов глобализации и международного терроризма.

Историю интеграции Кавказского региона в мир-экономику Модерна можно разделить на следующие периоды:

---

[50] Вторая фаза модерна (1640–1914) усилила и закрепила ранее достигнутое Западом преимущество в «осевании» (структурировании) истории. Она характеризуется созданием: 1) — **разветвленной колониальной системы**, смысл которой в жесткой и безальтернативной эксплуатации ранее открытых территорий и туземного населения; 2) — **механизма принуждения** (формы поддержания внутреннего порядка и государственной интервенции силами армии, полиции, фискальными органами), действующего в унисон с капитализмом, устанавливающим сферу эксплуатации и ее границы; 3) — **определенного экономического порядка** (иерархии способов производства, на вершине которой располагается капитализм, стремящийся к господству) и соответствующего такой системе международного разделения труда; 4) — **финансовой инфраструктуры**, способной расширяться и контролировать общую торговую конъюнктуру, отдельные национальные продукты и бюджет; 5) — **специфических «бизнес-циклов»**, возникших на основе индустриального прорыва (железнодорожные магистрали, океаническое судоходство, телеграф и т. п.); 6) — **политико-правовых механизмов, узаконивавших доминирование государств**, входящих в западную цивилизацию или ее цивилизационную орбиту. См. Муза Д. Е. Россия в системе координат глобального мира: метафизика, идеология, прагматика; Центр стратегической конъюнктуры. М.: Издатель Воробьев А.В., 2016. С. 101.

XVI–XVIII вв. — складывание мир-системы капитализма, выстраивание ее социальной модели в странах метрополии и создание структуры периферийных государств и колоний. В регионе доминируют Османская и Персидская империи и формируется влияние России, Англии и Франции как части мир-системы[51];

XIX–начало XX в. — модернизация Кавказского региона в условиях Российской империи, попытки деконструировать данную систему со стороны Англии, Франции, Австрии, Австро-Венгрии, Пруссии-Германской империи, Турции и Персии;

1917–1991 гг. — острая фаза развития, связанная с модернизацией региона по советскому образцу в контексте противостояния двух политических систем;

1991–2008 гг. — однополярный мир;

2008–н. в. — многополярный мир.

В XVI в. на Кавказ с северной стороны одновременно приходят Россия и Англия (линия Архангельск — Астрахань — Каспий), с юга активный натиск ведут Османская и Персидская империи. Готовы ли были институционально к этому народы Кавказского региона, была ли у них необходимая политическая культура и структуры? *Ответ очевиден: нет.* В. Дегоев отмечает: «Отсутствие на Кавказе прочных государственных образований, внутренние

[51] Для сдерживания роста влияния России в XVII–XVIII вв. акторами мир-системы выстраивается по В. Цымбурскому – С. Хатунцеву «Балтийско-Черноморская конфликтная система» — пояс государств Восточной Европы, Ближнего Востока и Кавказа.

усобицы, этническая пестрота, социально-культурная и конфессиональная неоднородность разрушали стабильность в регионе, делали его скорее объектом, а не субъектом международных отношений»[52]. Кроме того, *«феодальные и полуфеодальные владетели Закавказья и Северного Кавказа порой тоже демонстрировали искусство лавирования между внешними противоборствующими сторонами, применяя интриги и шантаж, завышая цену собственных услуг и занижая цену услуг полученных»*[53].

Более того, ни один из народов мира не был готов к испытаниям перехода от аграрного типа общества к индустриальному. Даже народы, которые традиционно рассматриваются как активные субъекты модернизации, проходили этот путь через множество драм и трагедий (религиозные реформы, политические революции, социокультурные новации). Исторический процесс человеческого рода — это открытая саморазвивающаяся система. Другой вопрос, что ряд государств-наций, осуществивших процесс социально-политической трансформации *над собой / собственными усилиями* в XIV–XVIII вв., создали систему снижения социально-

[52] Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2001. С. 406.
[53] Там же.

антропологических издержек за счет выстроенной системы колониализма[54].

Развитие *зрелых форм социальности* — это постоянный процесс, требующий понимания, обретения соответствующих практик, умений и навыков в политическом, экономическом, социокультурном, личностном планах. Сложность развития каждого народа в условиях Модерна состоит в том, что «жизнь народа — это процесс, который может быть вписан в одну из двух систем: 1) в систему национальной традиции или 2) в систему глобальной зависимости. Первый путь требует сегодня реальной модернизации, а не *"догоняющего развития"*, о котором говорят адепты неолиберализма. Ведь в нормальном обществе традиция и модернизация — это не антитеза, а части одного целого»[55].

История России в XVI–XVIII вв. также выступает примером борьбы за независимость в условиях складывания мир-системы. Став в XVI в. *народной теократией,* Россия открывала для себя путь к суверенному развитию, к историческому самоопределению в нарождающемся новоевропейском — тогда еще христианском — мире (включающем католицизм, православие и протестантизм). Как считает А. Щипков, этот путь развития был адекватным ответом на исторический

[54] Колониализм, неоколониализм, деколонизация: опыт исследования и современный дискурс. Коллективная монография. М.: Институт Африки РАН, 2025. 424 с.

[55] Щипков А. В. Социал-традиция. М.: АСТ-Пресс Книга, 2017. С. 316.

вызов и делал Россию одним из центров складывающейся мир-империи, суверенной страной, ускорив формирование русской нации[56]. Однако события Смутного времени и в целом бунташного XVII века едва не лишили Московское государство суверенитета и не сделали его периферией Речи Посполитой, Швеции, Англии. Сумев выстоять в череде русско-польских войн, Россия вступила на путь системной модернизации в период правления Алексея Михайловича – Петра Алексеевича.

Жесткий экзамен на историческое право быть суверенным государством с собственной логикой модернизации Россия «сдавала» на протяжении XVIII в. в ходе Северной, Семилетней, русско-турецких и Наполеоновских войн[57]. Таким образом, в XIX в. Российская империя вступала как один из субъектов мир-экономики, занимающих в ее системе роль государства-периферии. Страны-метрополии или коллективного Запада (Англия, Франция, Голландия) проводили активную колониальную политику.

Стратегия же России в условиях XVII–XVIII вв. была *оборонительной* и не преследовала цели колонизации в новоевропейском смысле. Например, Каспийский поход Петра I был направлен на создание альянса прикаспийских государств, дружественных России и оберегающих ее южные

[56] Щипков А. В. Социал-традиция. М.: АСТ-Пресс Книга, 2017. 320 с.

[57] С точки зрения стран-метрополий поведение России было возмутительным, ибо она отказывалась быть причастной цивилизации и прогрессу.

границы от Персии и Турции. Вполне справедливо российский историк Б. Н. Миронов пишет, что «Российская империя возникла из насущной потребности русского государства обеспечить своим подданным *безопасность и благополучие*. Именно отсюда проистекало стремление правящего класса достичь прочных естественных границ, обрести незамерзающие порты, воспрепятствовать захвату пограничных территорий соперниками или включить их в сферу своего влияния. *Бремя империи и цена власти были высоки*. В ходе колонизации возникла *аморфная полиэтническая империя*, стабильность которой до поры до времени в значительной степени обеспечивалась именно бессистемностью, рыхлостью, мультикультурностью, возведенной в главный принцип имперского строительства»[58]. Кроме того, как показывает историк Г. В. Вернадский, «урок, который извлекли русские из монгольского ига, состоял в том, что безопасность от кочевого Востока может быть обретена лишь через контроль над всей Евразией»[59].

Проведя модернизацию и сохранив суверенитет, не дав расчленить себя на части / колонии, Россия выработала за XVIII в. свое понимание геополитических процессов, а также свою

---

[58] Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. / Б.Н. Миронов. Т. 3. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. С. 422.

[59] Вернадский Г. В. Киевская Русь: пер. с англ. Е. П. Беренштейна, Б. Л. Губмана, О. В. Строгановой / под ред. Б. А. Николаева. Тверь: ЛЕАН; М.: АГРАФ, 1996. 448 с.

меру социальных стандартов, позволяющих ей быть активным субъектом истории, а также предлагать народам России и народам, граничащим с ней, модель вхождения в мир Модерна / Современности, не теряя собственной идентичности и достоинства. Разумеется, данная модель предусматривала серию социальных трансформаций для всех, кто хотел быть частью этой социальной системы. Грузинская аристократия, выступавшая за активное взаимодействие с Российской империей, должна была понимать, что процесс вхождения или присоединения потребует от нее изменения *оснований, стиля и образа жизни*, известной социокультурной модернизации. Очевидно, *им не предлагали стать русскими, но они должны были стать российскими подданными, что требовало известной политико-правовой дисциплины*[60].

Более того, они, не теряя своей Матери — Грузии, приобретали новое Отечество — Россию. В. Э. Багдасарян отмечает, что «Россия никогда не была колониальной державой. Те земли, которые присоединялись к территории государства, становились частью Отечества. Народы, проживающие на этих землях, не теряли свою идентичность, свою культуру и свой язык. Они включались в сферу политики более сильного

[60] Поведение царя Ираклия II после заключения Георгиевского трактата в 1783 г. вполне понятное и объяснимое с точки зрения логики *мир-империй* XVI–XVIII вв. не укладывалось в логику *мир-экономики*, политической культуры эпохи Просвещения и раннего Модерна.

государства, но на равных правах. Они получали возможность развиваться ... за счет доминирующих в экономическом и социальном плане регионов»[61]. Ярким примером проявления новой общероссийской идентичности является участие в Отечественной войне 1812 г. «72 грузин высших и средних воинских чинов, в том числе более десяти генералов: Петр Багратион, его брат Роман (Реваз), Семен Гангеблов, Иван Гурьелов (Гуриели), Павел Лашкарев (Лашкаришвили-Бибилури), Антон Шаликов, три генерала Жеваховы (Джавахишвили) — Иван, Филипп и Спиридон, братья Иван и Семен Панчулидзевы, братья Лев и Владимир Яшвиль (Яшвили). По подсчетам исследователей, до 1920-х гг. более 300 грузин, состоявших на службе в российской армии, имели генеральское звание»[62].

Кроме того, следует помнить, что османы проводили среди грузинских князей политику «разделяй и властвуй», шли путем прямой ассимиляции, отуречивая грузин и склоняя их к смене вероисповедания. Не менее жестко в отношении грузин поступала и Персидская империя — политика аманатов, омусульманивание и ассимиляция. В условиях данничества грузинских княжеств процветал институт *рабовладения*. «По

[61] Багдасарян В.Э. Хаос как стратегия глобализма. М.: Отчий Дом, 2023. С. 540.

[62] Грузины / отв. ред. Л. К. Бериашвили, Л. Ш. Меликишвили, Л. Т. Соловьева; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Национальная академия наук Грузии; Комиссия по истории, археологии и этнологии НАН Грузии. М.: Наука, 2015. С. 720.

сути, дань и была основной целью прихода Турции на Кавказ — постоянно расширяя границы и ведя многочисленные войны, турецкие султаны остро нуждались в рабах, становившихся потом солдатами-янычарами. Собственно, рабы и составляли основной “продукт” торговли с Турцией как западных грузинских княжеств, так и союзных ей адыгов и абхазов»[63]. Именно военно-рабовладельческая дань станет основой для социально-демографического упадка грузинских княжеств в XVII–XVIII вв. Кроме того, ослабление турецкого и иранского влияний в Закавказье привело к усилению набегов лезгин, страх перед Лекианобой[64] стал долговременным фактором повседневности грузинского народа, вплоть до XIX в. В подобных жестких условиях военно-политическая помощь в виде вхождения в состав Российской империи стала реальным спасением от социально-демографической и гуманитарной катастрофы грузинского народа.

Одна из причин *стратегии русификации* Закавказского региона была связана с тем, что предполагалось участие грузинской аристократии на военной, гражданской и духовной службе не только в Грузии, но и в иных регионах Российской империи. В ходе военной реформы Александра II – Д. Милютина,

[63] Епифанцев А. Была ли Грузия союзником России. Политическая модель выживания грузинского государства // АПН. URL: https://apn.ru/index.php?newsid=21261 (дата обращения: 14.09.2026).

[64] Термин, обозначающий масштабные и регулярные набеги северокавказских горцев на грузинские земли.

направленной на *всеобщий призыв* всех народов России для прохождения военной службы в российскую императорскую армию, вопрос о знании русского языка приобретал важное значение. Впоследствии в СССР знание русского языка открывало дорогу для всех возможных форм социализации в условиях советского общества и государства.

Б. Н. Миронов пишет, что «масштабы *русификации* в узком смысле этого термина — как усвоения русского языка в качестве языка межэтнического общения — в литературе сильно преувеличены. Принятые законы об ограничении использования родного языка плохо исполнялись по двум главным причинам: 1) действительная потребность в русском языке на окраинах была невелика; 2) власти не имели средств для реализации своих планов по русификации. В результате культурная русификация, а вместе с нею и ассимиляция для тех, кто ее желал, осталась мечтой. До начала XX в. русификация на окраинах носила преимущественно административный характер и обеспечивала не ассимиляцию, а *унификацию* административно-судебных порядков с целью создания более благоприятных условий для функционирования централизованного правительственного аппарата»[65].

[65] Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. / Б.Н. Миронов. Т. 3. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. С. 294.

Кроме того, он приходит к выводу, что «германизация, французиация, испанизация, полонизация, американизация — все это хорошо известные явления, родственные русификации. И даже в наше время политкорректности и мультикультурализма мы встречаемся с эстонизацией, латвизацией, украинизацией, литвизацией и другими “зациями”, которые объясняются совершенно так же, как это делалось в Российской империи — защитой своих национальных интересов, единства и целостности государства. Борьба за национальные интересы являлась и является стержнем как внутренней, так и внешней политики любого государства. К счастью, у России были и есть сила и воля отстаивать свои национальные интересы и благодаря этому не становиться жертвой международного насилия»[66]. Следует согласиться с Б. Мироновым, что «Российская империя стала историческим этапом, формой и процессом, открывающим как русскому, так и нерусским народам путь в Современность / Модерн через формирование *общеимперской гражданственности* через русский язык, русскую культуру, путем создания новых современных общероссийских институтов, с помощью единой

[66] Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. / Б.Н. Миронов. Т. 3. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. С. 294.

российской системы образования на русском языке и всеобщей воинской повинности»[67].

Г. Дерлугьян показывает, что в XVII–XIX вв. в одно целое сплелись *разные институциональные системы,* а именно прежняя, *средневековая, и новоевропейская,* когда «один грузинский князь успешно воюет у Петра I против турок и шведов, тем временем как его родной брат во главе персидского войска геройски обороняет Кандагар от афганских племен. Или генерал от инфантерии грузинский князь Цицианов, убитый в 1806 г. при необдуманной попытке взять с налета Баку. Все это не *примеры двурушничества.* У феодальной политики, повторяю, собственные алгоритм и этика, не укладывающиеся в современные национальные представления. Впрочем, сходные алгоритмы воспроизводятся и сегодня, когда постсоветский Кавказ постигла катастрофичная демодернизация»[68]. По мнению А. Урушадзе, именно институциональная разница между российскими политическими институтами и феодальными институциями и вызвала продолжительность Кавказской войны (1817–1864 гг.). Он предлагает осмыслить ее как социокультурный конфликт «между традиционной кавказской локальной цивилизацией и Российской империей,

[67] Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. / Б.Н. Миронов. Т. 3. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. С. 250.

[68] Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М.: Изд. Института Гайдара, 2013. С. 173.

представлявшей собой европейскую цивилизацию»[69].

В контексте развития российско-грузинских отношений (шире — со всеми народами Кавказского региона) институциональные различия будут выступать *объективно-субъектным* фактором, создающим трудности интеграции. Однако все они вполне преодолимы на пути просвещения, образования, науки, многогранных форм социализации. Например, князь М. С. Воронцов буквально вовлекает в круг российской цивилизации не только грузинскую аристократию, но и все слои грузинского общества[70], превращая Тифлис / Тбилиси в один из лучших городов не только России, но и мира. Он буквально «размыкает» культурные горизонты, создавая вокруг себя социально-творческую среду, обогащающую всех. Иными словами, политика М. С. Воронцова прямо противоположна классике западного колониализма, реализующего стратегии социального и цивилизационного расизма. Помимо высших государственных чиновников, акторами модернизации Кавказа выступают, по Е. Рашковскому,

[69] Ряд исследователей говорят о столкновении турецко-персидского провинциализма с европейско-российской культурой, институциональном конфликте между родоплеменным этосом поведения и российской правовой системой. См.: Урушадзе А. Т. Взаимоотношения культур на Кавказе в конце XVIII – начале XIX вв.: автореф. дис. канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 17.

[70] Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М.: Изд. Института Гайдара, 2013. С. 179.

казачество, старообрядцы, сектанты, крестьянство[71]. Они явно не выступали империалистами. Как пишет Б. Н. Миронов, «несмотря на наличие в ряде случаев колониальной составляющей, экспансия никогда не приводила к вытеснению туземного населения в резервации»[72].

Вместе с тем следует отметить, что акторами социокультурного взаимодействия были и народы, обладающие своей социокультурной идентичностью и богатством, интегрирующим культурно-цивилизационное наследие Кавказа с античности до современности. Очевидно, что путь диалога народов, обретение интерсубъектных, интерактивных, интерпретативных форм и практик не могли бы обойтись без противоречий, но выход на общероссийскую культурную арену таких деятелей русско-грузинской культуры, как Илья Чавчавадзе, Серго Месхи, Акакий Церетели, Нико Николадзе, был бы невозможен.

На наш взгляд, можно смело утверждать, что в XVIII–XIX вв. шли взаимные российско-грузинская и грузинско-российская колонизации. А. Головнёв пишет о том, что энергия и практика русской / российской колонизации не столько встречала сопротивление, сколько *была* ***синергией,*** *где местные элиты в разных амплуа (проводников,*

[71] Рашковский Е. Б. Смыслы в истории: исследования по истории веры, познания, культуры. М.: Прогресс — Традиция, 2008. С. 298.

[72] Миронов Б. Н. Управление этническим многообразием Российской империи / Б. Н. Миронов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 15.

противников, союзников, служилых, ясачных плательщиков) участвовали в колонизации, были ее бенефициарами[73]. Важно учитывать, что в этой синергии не было ни русофобии, ни кавказофобии (ни отдельно грузинофобии[74]).

В целом, как показывает Н. П. Таньшина, сам термин «русофобия» возникает в английской прессе в 30-е гг. XIX в., а превращается в инструмент политики Великобритании в годы Крымской войны (1853–1856 гг.). В последующем идеология русофобии будет насаживаться в концлагерях Австро-Венгрии и Германской империи (Терезин и Талергоф) в годы Первой мировой, станет доктриной Третьего рейха и его сателлитов, в условиях «холодной войны» — политическим инструментом стран НАТО[75].

Ярким примером *синергии* (от греч. содействие) выступает развитие грузинской колонии в Москве, начиная с XVII в. 27 декабря 1653 г. в Москву прибыл внук Теймураза I[76] Ираклий (Николай). «По всей Москве говорили о том, что грузинский царевич “во всем уряден и красив”, а царица Елена Леонтьевна — женщина “умнейшая и

---

[73] Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. С. 535.

[74] Багратион-Мухранели И. Л. Формирование мотивной структуры мифа о Грузии и Кавказе в русской литературе XIX — начала XX вв.: автореф. дис. д-ра филол. наук. Ижевск, 2018. 43 с.

[75] Мировоззренческой основой идеологии НАТО выступает расизм под ширмой либерализма – неолиберализма.

[76] В 1658 г. в Москву был отправлен Теймураз I, искавший помощи для борьбы с турками и персами.

благороднейшая”»[77]. В 1654 г. Ираклий Давидович принял участие в походе Алексея Михайловича против польского и литовского короля Яна Казимира. В поход он взял образ Иверской Божьей Матери, который стал почитаться после удачного похода наряду с Казанским и Федоровским образами Пресвятой Богородицы. В Москве с царевичем находились грузинский епископ Епифаний, свита грузинских князей и дворян. В 1671 г. царевич Ираклий принимает участие в свадьбе Алексея Михайловича с Натальей Нарышкиной. После его отъезда в 1674 г. в Грузию в Москве остается более 100 человек из его окружения, которые активно роднились с представителями русской аристократии[78]. В 1682 г. в Московское царство перебрался имеретинский царь Арчил II, его ставка была в Астрахани, а его внуки 10-летний Александр и 8-летний Мамука (Матвей) с большой свитой в 1684 г. оказались в Москве. Более того, царевич Александр был членом Великого посольства. «По указу Петра I Александру Арчиловичу было пожаловано с. Всесвятское (7 км от Москвы), которое впоследствии перешло к его сестре царевне Дарье (Дареджан) Арчиловне и на долгие годы стало центром грузинской колонии. При церкви

[77] Грузины / отв. ред. Л. К. Бериашвили, Л. Ш. Меликишвили, Л. Т. Соловьева; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Национальная академия наук Грузии; Комиссия по истории, археологии и этнологии НАН Грузии. М.: Наука, 2015. С. 715.

[78] Князья Амбрасадзе (Амбразанцевы), Херхеулидзе (Херхеулидзевы), Солагашвили (Салоговы), Дадиани (Дадиановы), Квариани, Джапаридзе, Сакварелидзе, Бежанишвили, Алалишвили.

с. Всесвятское образовался пантеон грузинских деятелей»[79].

Третья волна грузинской иммиграции была связана с Вахтангом VI, который с согласия Петра I эмигрировал в Москву в 1724 г. со своим семейством, сыновьями Бакаром и Георгием и свитой — всего 1186 человек. В их числе были видные ученые, военные и гражданские лица, писатели, деятели культуры, книгоиздатели, представители знатных фамилий из Восточной Грузии[80]. В XIX в. в сферу грузинской диаспоры в России влился Санкт-Петербург, но грузинская колония в Москве стала активно прирастать разночинной грузинской молодежью, стремящейся получить высшее образование. «По окончании обучения не все возвращались обратно, особенно из числа тех, кто хотел посвятить себя научной деятельности, поскольку в Грузии того времени не было вузов и научных учреждений. Таким образом постепенно формировались значительные грузинские колонии, в основном из числа интеллигенции. Многие грузины вели преподавательскую работу»[81].

Сегодня важно как для российского, так и грузинского академического сообщества *различать* процесс колонизации и колониализма. В частности,

[79] Грузины / отв. ред. Л. К. Бериашвили, Л. Ш. Меликишвили, Л. Т. Соловьева; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Национальная академия наук Грузии; Комиссия по истории, археологии и этнологии НАН Грузии. М.: Наука, 2015. С. 716.
[80] Там же. С. 717.
[81] Там же. С. 721.

историк и антрополог А. Головнёв показал, что *«колонизация»* — «изначальное и всеобщее свойство живой материи (от бактерий до человечества) распространяться по планете; в этом движении действуют общие для природы и общества механизмы адаптации, конкуренции, симбиоза, сукцессии». Человеческий род более «других живых существ преуспел в колонизации, освоив всю планету и сохранив при этом свое биологическое единство»[82].

В философско-антропологическом плане колонизация как практика «создания (выведения) нового поселения» — это лишь «эпизод общей стратегии движения, основанной на мобильности и власти над пространством». Более того, «колонизация — дорога с встречным движением, и колонии по-своему колонизуют свои метрополии (через пленников, элиту, наемных солдат и рабочих), благодаря чему возникает эффект колонизации вспять»[83].

Именно в *динамике колонизации* происходят социокультурные взаимодействия, диалог и создание новых этно-социокультурных синтезов, цивилизационных моделей. В социальной истории человеческого рода всем народам и странам приходилось быть метрополиями и колониями, во всемирной истории мы можем выявить динамику и

[82] Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. С. 538.
[83] Там же.

миграцию метрополий, новые конфигурации по модели «метрополия — колония». Необходимо осознавать *множественность* практик колонизации[84], а также тот факт, что не все колонизации заканчиваются колониализмом. Возможна и ***социокультурная синергия,*** предполагающая выход на новый метауровень интеграции по типу «неслиянно и нераздельно», что находит воплощение в межнациональных и межрелигиозных браках, в интенсивном этно-социокультурогенезе. Исключение феномена и фактора *синергий* из исторического бытия человеческого рода ведет к жесткой детерминистской связке «колонизация — колониализм». Тогда как реальный исторический процесс далек от схемы мышления сложившихся дискурсов и нарративов идеологий «колониализма — анти-постколониализма»[85].

Другой вопрос, что синергия может выходить на онтологический, онтический или виртуальный уровни (по С. Хоружему), что требует от ее субъектов определенной культуры мышления, взаимодействия. Следует сказать, что большинство *синергий / синтезов* в истории человеческого рода так и остаются на виртуальном уровне, порождая *«химеры»* (по Л. Гумилеву) или большие

[84] Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. С. 537–538.

[85] Полагаю, что положение В. О. Ключевского о России как стране, которая постоянно колонизируется, необходимо интерпретировать именно в ключе положительной, а не насильственной синергии.

исторические *утопии* (в духе империи Александра Македонского). Вместе с тем история полна онтических уделов, связанных с прагматикой «искусства возможного» (союзы, альянсы, конфедерации). Высший онтологический уровень достигается гениями (А. Пушкин, М. Лермонтов, С. Есенин, Б. Пастернак, И. Бродский, Б. Окуджава), деятелями политики, культуры, экономики.

А. Урушадзе показывает, что сформировался интегрированный образ и стиль жизни «кавказцев», где «неслиянно и нераздельно» «сплелись» культура горских народов, грузин, армян, азербайджанцев, казачества, этоса российской аристократии (пример М. Лермонтова)[86].

Для представителей сложившейся культурно-политической элиты Кавказского наместничества был характерен би- и полилингвизм, внимательное отношение к этосу и этике межэтнических и межрелигиозных взаимоотношений. Наиболее интересные (экстравагантные / лиминальные) и выдержавшие испытания временем / кровью / потом практики создают *структуры повседневности* (синергийной кухней выступает кухня народов Кавказа, быт, одежда, обычаи и ритуалы, вшитые в образ и стиль жизни от рождения до смерти).

Интеграция России и Грузии в I половине XIX в. была отмечена *положительной синергией,* где две

[86] Урушадзе А. Т. Взаимоотношения культур на Кавказе в конце XVIII – начале XIX вв.: автореф. дис. канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 7.

общности обрели социальное спокойствие и мир, позволяющий перейти от практик жизнестойкости к практикам жизнеспособности, историческому творчеству, изменившему Кавказский край (космополитизм Тбилиси[87] и Батуми, строительство Военно-Грузинской дороги, Транскавказской дороги в 1865–1900 гг., соединившей черноморский порт Поти и каспийский Дербент, успешно развивались машиностроительная, металлообрабатывающая, деревообрабатывающая, легкая и другие отрасли промышленности, действовало 1482 предприятия[88]).

Совершенно справедливо А. Урушадзе пишет о том, что Кавказ стал фронтирной социокультурной и экологической структурой, «элементами российского фронтира являлись: кавказские укрепленные линии и казачьи станицы, поселения и колонии крестьян-переселенцев, города и крепости, сооруженные силами пришельцев, административные учреждения, образовательные и

[87] «Тифлис приобретал все черты полноценной столицы. Этому способствовала сложившаяся несколько ранее (1820–1830-е гг.) интернациональность населения города, в котором, по словам современника, "... можно подумать, что стоишь одной ногой в Европе, а другою в Азии". В Тифлисе проживали европейцы, турки, персы и представители всех кавказских народов, объединенные городской жизнью столицы Кавказского наместничества». См.: Хлынина Т. П., Кринко Е. Ф., Урушадзе А. Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 60.

[88] Невская Т. А., Кондрашева А. С. Роль Кавказского наместничества в развитии русско-грузинских отношений (1844 — 1881 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования, 2016. № 1. С. 82.

культурно-просветительские учреждения»[89]. Уже в конце XIX в. Кавказ представлял собой административно-территориальное образование в структуре Российской империи, которое по динамике социально-экономического и социокультурного развития в целом соответствовало общему уровню развития российского социума, идущего после реформ Александра II (60–70-е гг. XIX в.) по пути модернизации во всех сферах жизнедеятельности[90].

Да, условия выхода на новый институциональный уровень были жесткими: а) понижение статуса царственной династии Багратионов; б)

---

[89] Урушадзе А. Т. Взаимоотношения культур на Кавказе в конце XVIII – начале XIX вв.: автореф. дис. канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 17.

[90] С 1817 г. действует Тифлисская духовная семинария (в 1866 г. открывается Кутаисская Д(П)С). В 1840 г. девичий пансион в Тифлисе преобразован в Закавказский девичий институт на 60 казеннокоштных и 20 своекоштных воспитанниц. В 1850 г. учреждается Кавказское общество сельского хозяйства, Кавказский отдел Императорского/Русского географического общества (руководитель Николай Ханыков), Тифлисская магнитная и метеорологическая обсерватория, Грузинский театр. В 1849 г. учрежден Кавказский образовательный округ, а еще раньше в 1847 г. — Русский театр в Тифлисе. Гимназистов целевым набором отправляют в ведущие университеты Санкт-Петербурга, Москвы, Казани. С 1846 г. действует Тифлисская библиотека, фонды которой пополнялись Кавказским Горным управлением и Статистическим комитетом. В 1860 г. создается «Общество восстановления православия на Кавказе». Центром военного образования с 1866 г. выступает Тифлисское пехотное юнкерское училище. В 1886 г. Ладо Агниашвили основал первый грузинский этнографический хор, а в 1908 г. в Тифлисе открылась первая национальная музыкальная школа, организованная при Грузинском филармоническом обществе (директор Захарий Палиашвили). В 1910 г. открыт Тифлисский политехнический институт. См.: Урушадзе А. Т. Социокультурная модернизация Грузии в первой половине XIX в. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион, 2011. № 2. С. 45–48.

лишение автокефалии Грузинской православной церкви. После «польского прецедента» XVIII в. российская дипломатия осознала, что функция осуществления внешней политики должна быть сконцентрирована в Санкт-Петербурге и находиться в руках российского императора. Поэтому и Павел I, и Александр I исходили из политики унификации политической системы России. Кроме того, представители грузинского царского рода получили высшую форму признания — княжеский титул, а к 1850 г. более 30 000 дворянских семей получили *нобилитацию,* что в условиях сословного общества означало привилегированное положение[91], но, напомним, согласно Табели о рангах, все дворяне были обязаны служить на военном или гражданском поприщах. Относительно подчинения ГПЦ Синоду — это также являлось частью сложившейся с реформ Петра I практики, позволяющей унифицировать управление внутренней политикой не только в

[91] «Крайне важно осознать, что Воронцов не купил грузинскую знать — в отличие от персов и турок, он сумел подвергнуть этот слой тому процессу, что германский социолог Норберт Элиас назвал “оцивилизованием”. Воронцовские балы, школы, сама застройка города коренным образом изменили структуры повседневности и социального сознания. Для кавказской аристократии становится попросту зазорно наряжаться в стародавнее платье персидского образца, не пускать дочек на балы или заниматься феодальными набегами и поставлять рабов туркам. Теперь надлежало продвигаться на дворянской службе или заниматься в имениях оцивилизованием на французский манер дедовской виноградной лозы, изобретая по ходу сортовые рыночные бренды “Саперави” или “Александрули”». См.: Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М.: Изд. Института Гайдара, 2013. С. 181.

светской, но и духовной сферах. Период синодального пленения Русской православной церкви длился с 1721 г. по 1918 г., когда Поместный Собор восстановил институт патриаршества (автономность Грузинской православной церкви была полностью восстановлена в 1943 г.)[92]. Очевидно, что каких-то отдельных специальных мер по свертыванию грузинской идентичности у российских властей не было. Также не было и грузинофобии. Более того, А. Епифанцев, говоря об отношении к грузинам в XIX в., выделяет три момента: влюбленность, восторженность, уважение на грани восхищения.

Социально-антропологический процесс колонизации не следует путать с идеологией и практикой колониализма. Сущностное различие между *колонизацией и колониализмом* состоит в том, что последний представляет собой *культ господства*, где идеологически обосновывается абсолютное превосходство одного государства и / или народа над другими и их декларируемое право использовать ресурсы покоренных государств и народов. Система колониализма в современном понимании сложилась в ходе Великих географических открытий: это обратная и темная сторона освоения мира

[92] Стремление защитить православное христианство на Кавказе было интенцией и политикой с момента обретения Московским государством независимости от Орды в 1480 г. Более того, разнообразная помощь оказывалась при возникающих исторических моментах на протяжении XV–XVIII вв.

человеческим родом. Испания, Португалия, Голландия, Англия, Франция заложили основу для формирования новых морских империй, *новой гегемонии,* основанной на жесткой эксплуатации по расовому и иным признакам.

Б. Н. Миронов, исследуя специфику практик сохранения единства полиэтнической Российской империи в XVIII – начале XX вв., выделил как минимум *«шесть общих принципов политики»* имперского правительства: 1) предоставление коренным народам аннексированных территорий права быть гражданскими субъектами на равных с русскими основаниях; 2) сохранение статус-кво, использование *косвенного непрямого управления*[93], предоставление широкой автономии присоединяемым территориям и проживающим там этническим группам, в особенности на первых этапах

[93] Ярким свидетельством *«косвенного управления»* выступает учрежденный Николаем I государственно-управленческий институт Кавказского наместничества. «Институт наместничества сосредотачивал в своих руках все управление краем, определяя, фактически, политику России в этом регионе, а Наместник выступал в роли арбитра, олицетворяющего власть Российской империи на Кавказе. К числу первостепенных задач, решением которых должно было заниматься Наместничество, относились ремонтные, строительные, инженерные работы в крае. В связи с этим в подчинение главы кавказской администрации попали строительные комиссии и комитеты, корпуса инженеров военных поселений и Грузинский инженерный округ, округ путей сообщения. В распоряжении Наместника находились также финансы, отпущенные на хозяйственное развитие края». См.: Невская Т. А., Кондрашева А. С. Роль Кавказского наместничества в развитии русско-грузинских отношений (1844 – 1881 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования, 2016. № 1. С. 84.

интеграции; 3) широкое сотрудничество с местными элитами, которые в большинстве своем получали права русского дворянства, включение их в систему управления империи, преобладание социальной ассимиляции над собственно этнической, важность прежде всего политической лояльности интегрируемых обществ и их элит; 4) толерантность, избегание по возможности правовой дискриминации по этническому или конфессиональному признаку; 5) создание некоторых преимуществ в правовом положении этнических меньшинств сравнительно с русскими; 6) гибкость, вариативность и прагматизм политики, пластичная адаптация принципов к конкретным ситуациям, конфессиям и народам в соответствии с принципом ad hoc — смотря по обстоятельствам»[94].

Вместе с тем он показывает, что «Российская империя никогда не была колониальной державой в европейском смысле» по ряду причин: а) русские не были «господствующим» народом империи: они подвергались частичной дискриминации по сравнению с нерусскими и уступали ряду народов (например, немцам, полякам и евреям) по степени урбанизированности, уровню грамотности, экономическому развитию, по числу лиц, занятых в сфере интеллектуального труда; б) этно-конфессиональная политика России отличалась

[94] Миронов Б. Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 182.

прагматизмом и терпимостью по отношению к нерусским, ставила на первое место не экономические, *а политико-стратегические задачи*. Религиозная и языковая ассимиляция и административно-правовая интеграция долгое время не входили в ее цели; в) в социально-экономическом смысле русский центр несколько уступал западной периферии и превосходил большинство своих восточных и южных окраин. Сама Россия в период империи вследствие относительной культурной и экономической отсталости находилась в существенной зависимости от иностранного капитала, европейской науки и технологии; г) Российская империя держалась в решающей степени на династическом и сословном принципе, а не на этническом и религиозном самосознании русских»[95].

Сложившаяся в XV–XX вв. система мир-экономики выступает основанием и сферой для развития мира и в XXI в. Более того, контуры цивилизационных взаимодействий актуальной современности выстраиваются по уже вполне сложившимся каналам, что создает в контексте анализа и понимания определенную *историческую константу* для осмысления динамики как российско-грузинских, так и иных отношений в Кавказском геополитическом регионе.

[95] Миронов Б. Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 425.

Следует отметить, что прежде всего мир-система Модерна XIX–XXI вв. выстраивается *борьбой за гегемонию* как между государствами, претендующими на доминирование в ней (океанистические державы), так и между государствами периферии за свой суверенитет, более высокое положение в складывающейся международной системе. Московское царство, Османская и Персидская империи в XVI в., согласно типологии И. Валлерстайна, явно относятся к периферийным государствам, поскольку будущая эпоха выступает как океанистическая / глобальная, основанная на международной торговле. Разумеется, у Московского государства был выход к Северному Ледовитому и Тихому океанам, а у Турции с Ираном выход к Индийскому океану, но без флота и ориентации на международную торговлю они не могли быть полноправными субъектами новой капиталистическо-империалистической политической модели.

Кроме того, страны-метрополии мир-системы отнюдь не ждали расширения «клуба избранных». В частности, А. В. Щипков вполне справедливо пишет, что «надежды на то, что христианская по праву рождения Россия может стать составной частью “экономического Запада”, то есть одним из ведущих игроков в этой системе, были *беспочвенны*. Находясь в стороне от торговых путей, Россия просто не могла сделаться одним из западных центров накопления капитала, а значит, не могла стать и “западной”

страной в либерально-западническом смысле этого понятия. Такой же тип капитализма, как на Западе, в России был невозможен. Попытка реализовать эту утопическую программу на протяжении XVIII–XIX вв. по сути служила идеологическим камуфляжем, чтобы скрыть статус России как страны-придатка»[96] мирового капитала.

В. Дегоев отмечает, что до XVI в. военно-политическая конкуренция на Кавказе шла между Турцией и Ираном, где влияние персов было в большей мере на Восточное Закавказье и Дагестан, а доминирование османов было на Северном Кавказе (благодаря Крымскому, Астраханскому и Казанскому ханствам) и Западном и Центральном Кавказе[97].

В середине XVI в. Московское царство, взяв под политический контроль сначала Поволжье, затем Урал и Сибирь, стало новой реальной силой в Кавказско-Каспийском регионе. Возвышение России было связано с ее национально-освободительной борьбой против Золотой Орды и за создание более безопасной архитектуры политических отношений в Северной Евразии. Целеполагание политической элиты и народа Московского государства было связано именно с обретением политической независимости, а не с геополитическими расчетами. Разумеется, изменение политических сил потребовало от нее выхода на новый уровень

[96] Щипков А. В. Социал-традиция. М.: АСТ-Пресс Книга, 2017. С. 243.

[97] Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2001. С. 406.

политического мышления, что в целом и произошло, но несколько позже, в эпоху царствований Алексея Михайловича – Петра Алексеевича Романовых. Поэтому непосредственной целью русского государства во II половине XVI в. стала задача укрепления новых южных границ. Тем более что Иоанн IV, взяв в 1552 г. Казань и в 1556 г. Астрахань, стратегически переиграл Османскую империю и прекрасно понимал, что она постарается взять реванш (что и произошло в 1569 г.), и необходимо выстраивать прочные военно-политические отношения с народами Северного Кавказа, в первую очередь с кабардинцами. Долгое время, в XVI–XVIII вв., противостояние между Московским царством и Османской империей в Черноморско-Азовско-Каспийском регионе было связано с борьбой против вассала османов Крымского ханства. Только победы Г. А. Потемкина и А. В. Суворова в русско-турецких войнах, основание Новороссии и включение в состав Российской империи Крыма позволили России относительно безопасно чувствовать себя на Северном Кавказе.

В начале XVIII в. Петр I, стремясь укрепить Россию на Каспийском море, предпринимает Персидский поход 1722–1723 гг. и создает условия для развития устойчивых политических отношений в Закавказье, справедливо полагая, что надежным военно-политическим союзником в этом регионе станут грузинские княжества.

Не следует также забывать, что именно на 50-е гг. XVI в. приходится развитие русско-английских отношений, которые обрели свое воплощение в военно-экономическом сотрудничестве. В частности, согласно торговым соглашениям между Москвой и Лондоном русская сторона предоставляла значительные преференции английским купцам в торговле по Волге с Ираном и странами Прикаспия. События Смутного времени в России показали, что Англия не против взять Поволжье под свой геополитический контроль, что и привело к охлаждению русско-английских отношений в XVII в. В дальнейшем российско-британские отношения будут переживать периоды то сближения, то конфронтации. Однако превращение Англии в Британскую империю явно способствовало тому, что в отстаивании своих интересов на Ближнем Востоке, Кавказе, Средней и Центральной Азии она будет контрагентом инициатив России. Кроме того, стремясь взять под контроль политическую элиту Турции и Ирана, англичане неизменно обещали им помощь в модернизации и военно-политическом давлении на Россию.

В. Дегоев в своем исследовании показывает, что с начала XIX в. Кавказ был отнесен к сфере «жизненно важных интересов» Англии. Регион должен был стать форпостом Англии на Востоке, а от Российской империи предлагалось отделить Финляндию, Прибалтику, Польшу, Украину,

Бессарабию, Крым[98]. Российский исследователь А. Епифанцев пишет: «Пока русские полки стояли на Кубани, Тереке и Белой, Санкт-Петербург не мог перебросить их на Амударью, Мургаб, Тигр или Пяндж, где они вошли бы в зону английских интересов и стали бы угрожать жемчужине Британской короны — Индии … Таким образом, *задачей Англии было поддержание ситуации перманентного полу-поражения России и полу-победы горцев*»[99].

Начиная с XVIII в. и последовательно вплоть до XXI в., в сферу Кавказского геополитического узла будут подключаться иные субъекты большой мир-системы — Франция, Германия (с момента формирования Германской империи 1871–1918 гг.), США (начиная с Первой мировой войны), создавая тем самым дополнительный уровень сложности и конфликтности в регионе. Покажем это на примере Франции. Российские историки О. Айрапетов, В. Муханов, М. Волхонский в своей работе «Дорога на Гюлистан» показали, что Наполеон Бонапарт заключил 4 мая 1807 г. в лагере под Финкенштейном договор с Персией, где «гарантировал целостность персидских владений, обещал вернуть шаху Грузию и приложить все усилия для того, чтобы принудить Александра I вывести войска из Закавказья, снабдить

[98] Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2001. С. 411.
[99] Епифанцев А. А. Неизвестная Кавказская война. М.: ИПЦ «Маска», 2010. С. 62.

Персию оружием, инструкторами и мастеровыми для организации мануфактур. В ответ Фетх-Али должен был расторгнуть все контакты с англичанами, изгнать их из своих земель и объявить войну Англии, договориться с афганцами и прочими племенами для организации движения на Индию и, в случае необходимости, дать пропуск французской армии на проход через Персию»[100].

В целом, наше обращение к геополитическим реалиям мир-системы Модерна позволяет понять, что *борьба за гегемонию* между государствами-метрополиями и государствами-периферриями объективно далека от этических интенций и настроений, а выстраивается как политика ***искусства возможного,*** которую не вполне корректно описывать через этические нарративы.

В частности, В. М. Муханов пишет, что в современной грузинской историографии большое внимание уделяется взаимоотношениям Петра I и Вахтанга VI. С одной стороны, «говорится о гениальности Петра в свете открытия им кавказского вектора российской политики, с другой — подчеркивается, что он так и не соединился с закавказскими владетелями, в первую очередь, с Вахтангом, который, потеряв свое царство, вынужден был бежать в Россию. Линия Петра однозначно

[100] Айрапетов О. Р., Волхонский М. А., Муханов В. М. Дорога на Гюлистан... Из истории российской политики на Кавказе во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. М.: Книжный Мир, Международный Институт Новейших Государств, 2014. С. 311.

оценивается как предательство союзника»[101]. Тема «предательства русских», сформированная на основе событий начала XVIII в., плавно перетекает у ряда грузинских историков в обсуждение событий второй половины столетия — от Георгиевского трактата до нашествия Ага Мухаммеда Каджара на Тифлис в 1795 г.

Вместе с тем, на наш взгляд, контекст анализа русско-грузинских отношений необходимо описывать, объяснять и понимать с точки зрения *политического реализма*, а не идеализма и ригоризма. Максимально научный подход, сложившийся как канон мировой исторической науки, так и всех социально-гуманитарных дисциплин, предполагает, что поведение военно-политических лидеров со стороны их социально-психологических (коварство, подлость, склонность к предательству) или этических особенностей выступает контрпродуктивным. Основные фигуранты российско-грузинских отношений в XVIII в. были в первую очередь политиками, осуществляющими ее, исходя из ***искусства возможного***, т. е. политическими реалистами.

Вахтанг VI был мудрым политиком и, соглашаясь на участие в походе Петра I, прекрасно понимал, какую цену он лично и его народ могут заплатить за это (кстати, его государственный совет

[101] Муханов В. М. К вопросу о ключевых темах совместной российско-грузинской истории и их современных интерпретациях // Международная аналитика, 2017. № 3. С. 57.

— *дарбази* — был против). Но, к чести Петра I, следует отметить, что только объективные природные обстоятельства (шторм на Каспии в 1722 г.) не дали возможность осуществить совместные замыслы. Кроме того, после Каспийского похода Вахтанг VI был принят Петром в Москве. «Употребляя современную международно-правовую терминологию, можно определить статус Вахтанга VI с 1726 г. как *политического беженца*, которому российские власти предоставили убежище. Позже Вахтанг VI находился на российской службе, выполняя различного рода дипломатические поручения. Не будем скрывать, что отношения царя с русским правительством в тот период были непростыми. Так его неоднократно удерживали от желания вернуться в Грузию, чтобы возглавить борьбу с турками, поскольку это грозило спровоцировать войну между двумя империями. Тем не менее, российская дипломатия пыталась защитить интересы царя. В частности, в Рештском договоре 1732 г. русским дипломатам удалось включить в его текст статью, гарантирующую Вахтангу возвращение картлийского престола со стороны иранского шаха»[102].

Также и отношения между Екатериной II и Ираклием II были весьма прагматичными. Например, исследователь В. Дегоев пишет, что «Ираклий II и Россия нуждались друг в друге, но каждая сторона

[102] Постсоветские государства: 25 лет независимого развития. Сб. ст. в 2-х тт. / отв. ред. А. Б. Крылов. М.: ИМЭМО РАН, 2017. Т. 2. Южный Кавказ. С. 84.

преследовала свои цели, совпадающие лишь до определенного момента. Грузинский царь не хотел быть разменной монетой в политике Петербурга на Кавказе, а Петербург не хотел ссориться с шахом и султаном ради закавказских прожектов Ираклия. Как бы то ни было, Грузия и Россия поддерживали активные дипломатические отношения, служившие потенциальной основой для более тесного союза при возникновении необходимости»[103].

В 80-е гг. XVIII в. поле политики Ираклия II сужается: «Нередко трудно было установить, откуда исходила большая опасность — от иранцев, османов, лезгин или Фатали-хана, ждавшего лишь случая, чтобы объявить Ираклию II войну»[104]. Дополнительный фактор — борьба между грузинскими аристократами за власть.

Однако выстраиваемая для Грузии политика Ираклия II носила во многом *авантюрный характер* и закончилась трагедией народа в 1795 г. Как показывает А. Епифанцев, заключив в 1783 г. союз с Россией, Ираклий II уже в 1786 г. заключает договор о ненападении с Османской империей, практически перечеркивая все договоренности с Россией. Взяв на себя в 1783 г. обязательства не вести без согласования с Россией внешнюю политику, он сознательно нарушает их. На деле же оказалось, что постаревший царь обхитрил самого себя.

[103] Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2001. С. 14.
[104] Там же. С. 27.

Сепаратный договор вассала России — Грузии с врагом России — Турцией оказался принципиально неприемлем Екатерине II. В течение года российские офицеры и дипломаты уговаривают Ираклия разорвать его, но все тщетно — Патара Кахи не слышит. Ратификация договора в Стамбуле летом 1787 г. в то время, когда очередная русско-турецкая война (1787–1791 гг.) уже шла полным ходом, поставила точку в предыдущих отношениях России с ненадежным вассалом. Петербург выводит из Грузии войска, затем дипломатическое представительство и прекращает практически все отношения с Ираклием II. Говоря современным дипломатическим языком, царь Картли и Кахети стал «нерукопожатен»[105].

Поняв, что, играя одновременно на *трех политических досках*, он проиграл все партии, Ираклий II пытается вновь напомнить Екатерине II об обнуленном им же самим де-факто Георгиевском трактате 1783 г. Однако прежнего доверия уже нет. Кроме того, императрица знала, что «Ираклий II лишь после безрезультатных обращений в 1782 г. к австрийскому императору, французскому королю, сардинскому, неаполитанскому и венецианскому правительствам о военной и финансовой помощи для борьбы с Турцией и Персией согласился на

[105] Епифанцев А. Была ли Грузия союзником России. Политическая модель выживания грузинского государства // АПН. URL: https://apn.ru/index.php?newsid=21261 (дата обращения: 11.09.2026).

покровительство России»[106]. И в это время на престоле в Иране оказывается Великий скопец — Ага-Мухамед-хан Каджарский, который стремится наказать нарушившего присягу на верность Ираклия II, что и происходит в 1795 г., когда не только Тбилиси, но и бытие всего грузинского народа было поставлено на грань исторического небытия.

Весной 1796 г. Екатерина II направила на Кавказ и в Прикаспийские провинции экспедиционный корпус под командованием графа Валериана Зубова[107]. Уже в мае корпус взял штурмом Дербент, к лету занял Баку и Кубу, а к осени 1796 г. контролировал практически все восточное побережье Каспия от Дербента до Мугани[108]. Ключевой для грузинского сюжета факт заключается в том, что именно известие о начале этого похода — само появление русской армии на подступах к Закавказью — заставило Ага Мохаммад-хана отказаться от нового нападения на Грузию и увести персидские силы из региона, не дожидаясь прямого столкновения с Зубовым[109].

---

[106] Бордюгов Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Предисловие Алана Касаева. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 115.

[107] Русско-персидская война (1796 год). Поход графа Зубова // Alumni MGIMO. URL: http://alumni.mgimo.ru/page/adaptive/news/189158/ (дата обращения: 12.09.2026).

[108] Персидский поход 1796 // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/military_science/text/2332814 (дата обращения: 12.09.2026).

[109] Персидский поход 1796 // Новая энциклопедия (Runivers). URL: https://runivers.ru/newenc/480295/ (дата обращения: 30.09.2026).

Сын Ираклия II Георгий XII прекрасно понимал, что вины России за разгром в 1795 г. Тбилиси нет, и в новых геополитических условиях уже после смерти Екатерины II ему необходимо постараться реабилитироваться за своего отца и спасти грузинский народ. Начинается активная переписка между ним и администрацией Павла I. В 1798 г. иранский шах Фетх-Али, чтобы вернуть Грузию в подчинение Персии, четко требует от Георгия XII его сына в заложники (институт аманатства XVI–XVIII вв. на Ближнем Востоке). Россия оказала помощь, но Павел I перешел с позиций равных отношений между Россией и Грузией на позицию подданства. Есть все основания полагать, что российские военные и дипломаты советовали своему императору занять более жесткую позицию и не повторить недоразумения 1786 г. со стороны Ираклия II.

Павел I подписал 18 декабря 1800 г. манифест о вводе российских войск и предстоящем присоединении, но Георгий XII умер 28 декабря, не успев подписать согласованный документ, и манифест остался, по оценке М. Волхонского, лишь *«предварительным объявлением»,* не обретшим полной юридической силы[110]. Решение Александра I после восшествия на престол в 1801 г. было

[110] Волхонский М. А. Завоевание или добровольное присоединение? Политический процесс инкорпорации Картли-Кахетинского царства в состав Российской империи. 1796–1801 гг. // Международная аналитика. 2017. № 4 (22). С. 72–84. URL: https://www.interanalytics.org/jour/article/view/79 (дата обращения: 30.09.2026).

проявлением *искусства возможного* в сложнейших геополитических условиях Большого Кавказа начала XIX в., *«поскольку покровительство без постоянного военного присутствия бессмысленно, а вывод войск означал бы для грузинского царства "неизбежную гибель"»*[111].

12 сентября 1801 г. Александр I подписал манифест «Об учреждении нового правления в Грузии», завершивший инкорпорацию Картли-Кахетинского царства в состав империи[112]. Необходимо согласиться с заключением М. Волхонского, утверждающего, что главная цель геополитического стремления грузинского народа — *"выживание с сохранением веры и культуры"* — была достигнута, хотя и «с издержками в виде нарушения некоторых юридических формальностей»[113].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что XVIII в. для Кавказского социокультурного круга стал периодом встречи трех империй — Османской,

---

[111] Волхонский М. А. Завоевание или добровольное присоединение? Политический процесс инкорпорации Картли-Кахетинского царства в состав Российской империи. 1796–1801 гг. // Международная аналитика. 2017. № 4 (22). С. 72–84. URL: https://www.interanalytics.org/jour/article/view/79 (дата обращения: 30.09.2026).

[112] Присоединение Грузии к России // Президентская библиотека. URL: https://www.prlib.ru/history/618993 (дата обращения: 30.09.2026).

[113] Волхонский М. А. Завоевание или добровольное присоединение? Политический процесс инкорпорации Картли-Кахетинского царства в состав Российской империи. 1796–1801 гг. // Международная аналитика. 2017. № 4 (22). С. 72–84. URL: https://www.interanalytics.org/jour/article/view/79 (дата обращения: 30.09.2026).

Персидской и Российской, причем давление первых двух на Грузию поставило развитие грузинской политической нации на грань исчезновения. Российская империя со времени Петра I стала надежным оплотом для грузинского народа в его борьбе за существование и развитие.

Безусловно, вхождение Грузии в состав России было ее *европейско-христианским, европейским (в духе Просвещения), евразийским и вселенским* выбором, позволившим ей обрести свой путь в Новое и Новейшее время. Альтернативы вхождения Грузии в состав иных держав на рубеже веков не было. Власть Османской и Персидской империй была еще крепка и реального влияния ни революционная Франция, ни Англия на события в Грузии оказать не могли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Динамику российско-грузинских и грузинско-российских отношений после СССР обычно подразделяют на ряд периодов[114]:

I — Грузия в рамках «беловежского порядка»: поиск компромиссов (1991–2003 гг.) — эпоха президентства Э. Шеварднадзе (1992–2003 гг.);

II — Кризис «беловежского порядка» и стратегия «периферийного идеализма» (2004–2012 гг.);

III — Феномен «Грузинской мечты» и переход к «периферийному прагматизму» в условиях полицентричного порядка (2012 г. – н. в.).

Последующие за 2008 г. события показали, что в Грузии еще остались политические силы, способные преодолеть идеологию стран НАТО: с 2012 г. развивается партия грузинской суверенности и сторонников многовекторной политики «Грузинская мечта», а не радикальный атлантизм / глобализм.

Новую государственную формулу в грузинской политической реальности сформулировал спикер парламента Грузии Шалва Папуашвили, заявивший, что «помимо грузинской ориентации, любая другая

[114] Периодизация И. Болговой. См.: 35 лет независимого развития: итоги и перспективы для государств Южного Кавказа: доклад № 118 [С. А. Притчин, Г. Пашаева [и др.]; под ред. С.М. Гавриловой, М.С. Лазовича, Д.О. Растегаева]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2026. С. 41.

“про-ориентация” в конечном итоге является негрузинской, поскольку она отдаляет политику страны от ее собственных национальных интересов и превращает ее в инструмент чужих целей»[115]. Позитивным моментом для российско-грузинских отношений выступает тот факт, что Грузия не присоединилась к блоку стран НАТО после начала Специальной военной операции в феврале 2022 г.: «В то время как коллективный Запад ожидал от Тбилиси полной солидарности в санкционном давлении на Россию, правительство Грузии при активной риторической поддержке ограничительных мер против России последовательно отказывается от фактического присоединения к ним. Официальный Тбилиси мотивирует такую позицию соображениями национальной безопасности: принимая во внимание дислокацию российских вооруженных сил в Абхазии и Южной Осетии, любое обострение отношений с Москвой было бы сопряжено с высокими рисками для суверенитета»[116].

Один из ведущих российских политологов Андрей Сушенцов пишет, что «грузинские элиты могли убедиться, что поддержка Запада имеет свои пределы и часто не идет дальше благих пожеланий. Маловероятно, что Грузия — малое государство

[115] 35 лет независимого развития: итоги и перспективы для государств Южного Кавказа: доклад № 118 [С. А. Притчин, Г. Пашаева [и др.]; под ред. С. М. Гавриловой, М. С. Лазовича, Д. О. Растегаева]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2026. С. 54.
[116] Там же. С. 47.

Южного Кавказа — будет иметь столь же непропорционально сильное влияние на НАТО и ЕС, как некогда влияла на судьбу Советского Союза. Накопившиеся проблемы Грузии необходимо решать самой»[117], памятуя о том, что прежняя геостратегия грузинской элиты, основанная на формуле *«чем больше давление Запада на Россию, тем лучше для национальных интересов Грузии»* [118], уже не работает.

Разумеется, на сегодняшний день мы можем говорить о минимальной *гуманитарной близости* России и Грузии, но есть все основания утверждать, что преодоление «фактора НАТО» и «холодной войны 2.0» будет способствовать повышению уровня политического, социально-экономического и социокультурного взаимодействия. Будущее Большого Кавказа как макрорегиона Большой Евразии в XXI в., а не только российско-грузинских отношений, состоит в формировании структуры *коллективной безопасности*, а не в стратегиях управляемого хаоса от США, ЕС, НАТО.

Полагаю, что ведущей стратегией для двусторонних отношений между Россией и Грузией должен стать ***цивилизационный реализм,*** основанный на:

а) политической философии искусства возможного;

---

[117] Сушенцов А. Три дилеммы российско-грузинских отношений // Валдай. 12.03.2018. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/osnova-dlya-dialoga/ (дата обращения: 18.09.2026).

[118] Там же.

б) уважении субъектов истории друг к другу;

в) деконструкции идеологии НАТО.

Именно уважительное отношение к истории, культуре, языку как России, так и Грузии способно перезапустить партнерские отношения. В частности, в Российской Федерации не переименовывали улицы городов, названные в честь грузин – Героев Советского Союза.

Список литературы:

35 лет независимого развития: итоги и перспективы для государств Южного Кавказа: доклад № 118 [С. А. Притчин, Г. Пашаева [и др.]; под ред. С. М. Гавриловой, М. С. Лазовича, Д. О. Растегаева]; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2026. — 58 с.

Агапов О. Д. Познавая общество: искусство возможного. — Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета; СПб.: Алетейя, 2022. — 140 с.

Айрапетов О. Р., Волхонский М. А., Муханов В. М. Дорога на Гюлистан... Из истории российской политики на Кавказе во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. — М.: Книжный Мир, Международный Институт Новейших Государств, 2014. — 384 с.

Армяне / отв. ред. Л.М. Варданян, Г.Г. Саркисян, А.Е. Тер-Саркисянц; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения. — М.: Наука, 2012. — 648 с.

Бовдунов А. Л. Вызов «деколонизации» и необходимость комплексного переопределения неоколониализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2022. — Т. 22, № 4. — С. 645–658.

Бордюгов Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. — М.: АИРО-XXI, 2011. — 256 с.

Бордюгов Г. А., Бухараев В. М. Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. — М.: АИРО-XXI, 2011. — 248 с.

Боришполец К. П. Конкуренция великих держав в XXI веке: российские подходы и российский дискурс // Полис. Политические исследования. — 2022. — № 1. — С. 150–165.

Браславский Р. Г. Социологические модели современного цивилизационного анализа // Журнал социологии и социальной антропологии, 2020. — Т. 23, № 5. — С. 7–40.

Бродель Ф. Динамика капитализма. — Смоленск: Полиграмма, 1993. — 128 с.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. — СПб.: Университетская книга, 2001. — 416 с.

Волхонский М. А. «Завоевание или добровольное присоединение?..» // Международная аналитика. — 2017. — № 4 (22). — С. 72–84. URL: https://www.interanalytics.org/jour/article/view/79 (дата обращения: 30.09.2026).

Герасимов И., Глебов С., Кусбер Я., Могильнер М., Семенов А. Новая имперская история и вызовы империи // Ab Imperio. — 2010. — № 1. — С. 19–52.

Глинчикова А. Г. Россия и Европа: два пути к Современности. — М.: Культурная революция, 2014. — 608 с.

Головнёв А. В. Феномен колонизации. — Екатеринбург: УрО РАН, 2015. — 592 с.

Грузины / отв. ред. Л. К. Бериашвили, Л. Ш. Меликишвили, Л. Т. Соловьева; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Национальная академия наук Грузии; Комиссия по истории, археологии и этнологии НАН Грузии. — М.: Наука, 2015. — 813 с.

Груссе Р. Империя Леванта. Древняя земля тлеющего конфликта между Востоком и Западом. — М.: Центрполиграф, 2022. — 591 с.

Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. — М.: Русская панорама, 2001. — 515 с.

Дудайти А. К. Современные вызовы государственной власти в Грузии: политическая оценка // Постсоветские исследования. — 2025. — Т. 8. № 7. — С. 746–758.

Замятин Д. Н. Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Полис. Политические исследования. — 2009. — № 1. — С. 71–99.

Замятин Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. — М.: Знак, 2006. — 486 с.

Зильберман Д. К пониманию культурной традиции. — М.: Политическая энциклопедия, 2015. — 623 с.

Зильберман Д. Православная этика и материя коммунизма. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2014. — 256 с.

Злобина В. Современная историческая политика в Грузии // Россия и новые государства Евразии. — 2025. — № I (LXVI). — С. 64–73.

Иванов А. В. Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода). — Барнаул: Новый формат, 2025. — 303 с.

Исмаил-Заде Д. И. Население городов Закавказского края в XIX — нач. XX в. Историко-демографический анализ. — М., 1991. — 256 с.

Исмаилова А. М. Исследование социально-экономического развития Южного Кавказа в XIX — начале XX вв. в дореволюционной и советской историографии // Электронный журнал «Кавказология». — 2022. — № 4. — С. 256–277.

Карпов А. Р., Савельев Г. О. Консолидирующие смыслы Северного Кавказа как фактор защиты российского цивилизационного кода в условиях когнитивной войны // Экономические стратегии. — 2023. — № 6 (192). — С. 96–103.

Качарава Ю. История Грузии: учебное пособие. — Тбилиси, 1973. — 227 с.

Кнабе Г. С. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. — М.: РГГУ, 2000. — 240 с.

Колотов В. Н. Тенденции и перспективы развития ситуации на основных сегментах евразийской системы дуг нестабильности // Проблемы национальной стратегии. — 2025. — № 4 (91). — С. 82–103.

Лурье С. Imperium: империя — ценностный и этнопсихологический подход. — М.: АИРО — XXI, 2012. — 272 с.

Магомедов Н. А. Международные отношения на Северо-восточном Кавказе в XVIII — в первой трети XIX в. — Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2019. — 228 с.

Малахов В. С., Летняков Д. Э. Колониальная аналогия: о пользе и вреде языка постколониальных исследований в постсоветском контексте // Полис. Политические исследования. — 2023. — № 6. — С. 113–127.

Маркедонов С. М. Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». — 2018. — № 1 (11). — С. 24–40.

Маркедонов С. М. и др. Постсоветские государства: поиск новой роли в меняющемся мире. М.: Издательский дом МГИМО, 2026. — 32 с.

Маркедонов С. М., Неклюдов Н. Я., Сучков М. А. Невоенные аспекты политического взаимодействия на Кавказе: сравнительный анализ подходов США и России // Полис. Политические исследования. — 2020. — № 6. — С. 166–181.

Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. — М., 1966. — 323 с.

Марти Ф. Черноморские порты Грузии: стимул для Среднего транспортного коридора или камень преткновения? // Валдай. 25.07.2024. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/chernomorskie-porty-gruzii/ (дата обращения: 30.09.2026).

Мацаберидзе М. Россия и Грузия в постсоветский период: метаморфозы отношений // Центральная Азия и Кавказ. — 2008. — № 5 (59). — С. 169–174.

Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. — М.: Новое лит. обозрение, 2006. — 240 с.

Миллер А. И. Устои «глобальной» мемориальной культуры под вопросом // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 3. С. 68–81. URL: https://globalaffairs.ru/articles/ustoi-memorialnoj-kultury/ (дата обращения: 25.09.2026).

Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма. — М.: Институт Наследия, 2019. — 472 с.

Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 3. — 992 с.

Миронов Б. Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. — 640 с.

Муза Д. Е. Россия в системе координат глобального мира: метафизика, идеология, прагматика; Центр стратегической конъюнктуры. М.: Издатель Воробьев А. В., 2016. — 232 с.

Муханов В. М. «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики: 1917–1921. — М.: Кучково поле, 2019. — 928 с.

Муханов В. Российско-грузинские отношения: от эмоций к прагматизму // Россия и новые государства Евразии. — 2022. — № 2 (55). — С. 106–116.

Муханов В. М. К вопросу о ключевых темах совместной российско-грузинской истории и их современных интерпретациях // Международная аналитика. — 2017. — № 3. — С. 56–62.

Невская Т. А., Кондрашева А. С. Роль Кавказского наместничества в развитии русско-грузинских отношений (1844–1881 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. — 2016. — № 1. — С. 77–84.

Петров А. Грузия в новом мире: между Россией и Западом // РСМД. 03.03.2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gruziya-v-novom-mire-mezhdu-rossiey-i-zapadom/ (дата обращения: 25.09.2026).

Постсоветские государства на современном этапе: внутриполитическая динамика и поиск путей развития. — М.: ИМЭМО РАН, 2024. — 209 с.

Россия — Грузия: отношения: энергетика, экономика, безопасность, геополитика, миграция и культура. — Тбилиси, 2018. — 163 с.

Россия и Европа: общая судьба и альтернативные проекты цивилизационного развития. — М.: Институт Наследия, 2020. — 338 с.

Ру Ж.-П. История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней / пер. с франц. Некрасов М. Ю. — СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2015. — 432 с.

Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. — М.: Наука, 1997. — 828 с.

Русские в Евразии XVII–XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтничной среде. — Тула: Гриф и К, 2008. — 480 с.

Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. — 241 с.

Таньшина Н. Страшные сказки о России. Классики европейской русофобии и не только. — СПб.: Питер, 2024. — 256 с.

Урушадзе А. Т. Взаимоотношения культур на Кавказе в конце XVIII — начале XIX вв.: автореф. дис. канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2011. — 34 с.

Урушадзе А. Т. Социокультурная модернизация Грузии в первой половине XIX в. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. — 2011. — № 2. — С. 45–48.

Федотова В. Г., Федотова Н. Н., Колпаков В. А. Глобальный капитализм: три великие трансформации. — М.: Культурная революция, 2008. — 608 с.

Хоружий С. С. Опыты из русской духовной традиции. — М.: Парад, 2005. — 448 с.

Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы. Коллективная монография / Под общ. ред. В. А. Черешнева, В. Н. Расторгуева. — М.: Издатель Воробьёв А. В., 2018. — 440 с.

Цымбурский В. Л. Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII–XX веков. — М.: Книжный мир, 2016. — 496 с.

Цыпин В. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. — 816 с.

Щипков А. В. Незавершенный нацизм. Генезис, трансформации и родственные явления. — М.: РПУ св. Иоанна Богослова, 2024. — 134 с.

Щипков А. В. Социал-традиция. — М.: АСТ-Пресс Книга, 2017. — 320 с.

Сведения об авторе

Агапов Олег Дмитриевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин, директор научно-исследовательского института социальной философии Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова, руководитель научно-исследовательской программы «Россия в Большой Евразии в XXI в.» ИКЦ «АКСОН».

Рецензионные оценки:

Колотов В. Н.: «Представленный материал, вне всякого сомнения, посвящен крайне актуальной проблеме — исторической ретроспективе Кавказского региона в период Нового времени. Авторский подход к освещению геополитической истории Кавказского региона с использованием мир-системного подхода представляется аналитически продуктивным. Автор рассматривает российско-грузинские отношения сквозь призму мир-системного анализа, выстраивает исторически достоверную панораму многовекового взаимодействия наших народов, а также разоблачает некоторые исторические мифы. Причем указанные выше задачи выполнены с подлинно философской глубиной».

Михалев А. В.: «Рецензируемый документ является глубоким историко-философским очерком с выраженным *терапевтическим* эффектом. В эпоху токсичных нарративов русофобии работа О. Д. Агапова возвращает нас к базовому факту нашей общей судьбы, зафиксированному еще в дореволюционной историографии: мы есть друг у друга по тысячелетней логике географии, веры и культуры. Если в XVIII–XIX вв. альтернатива российскому присутствию означала физическое исчезновение православных народов, то сегодня задача состоит в сохранении души — той самой “роскоши православия”, способности видеть в другом собеседника. Доклад дает интеллектуалам России и Грузии общую систему координат для такого разговора».

Для заметок

Научное издание

Агапов Олег Дмитриевич

ГЕОПОЛИТИКА КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Экспертный доклад

Подписано в печать 06.10.2026 г.
Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 6,25.
Тираж 100 экз.